

ГЛАВА IV ТОРЖЕСТВО И ПАДЕНИЕ КРАЙНЕГО АВТОРИТАРИЗМА (Сталинизм)

АБСУРД РЕАЛЬНОСТИ

Время правления Сталина в большей степени, чем любой другой этап советской истории, кажется чем-то фантастическим. В истории не было ничего подобного. Знакомство с массовыми социальными процессами на этом этапе истории ломает представление о мотивах людей, даже с точки зрения элементарного самосохранения и здравого смысла. Напрашивается мысль о каком-то *массовом безумии*. В 1937 году в лагерях сидело 8 млн. человек, а в 1938 — 16 млн.¹

Р. Редлих считает, что единовременное наказание отбывали 10% населения, всего репрессиям подверглось до 50% населения². У. Черчилль сообщил со слов Сталина, что во время коллективизации погибло около 10 млн. крестьян. А. Солженицын полагает, что крестьян погибло не меньше 15-17 млн. Только в 1937-1938 годах было арестовано 8-9 млн. «врагов народа»³. Тот же автор пишет, что в июне 1937 года была выдвинута «скромная» норма истребления, т. е. 3-4% населения — около 5 млн. Впрочем, добавляет А. Авторханов, план перевыполнялся. По подсчетам Р. Медведева, жертвами террора до 1937 года стали 17-18 млн. человек, из которых погибло не менее 10 млн. В 1937-1938 годах было репрессировано от 5 до 7 млн. человек, в 1939-1940 годах — еще 2 млн., а в 1941-1953 годах — 11 млн.⁴, т. е. всего 35—38 млн. Только в период 1936-1950 годов в лагерях умерло своей смертью 12 млн. чело-

¹ Максудов С. Начало тридцать седьмого: Перепись// Минувшее: Исторический альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 259.

² Редлих Р. Сталинизм как духовный феномен. 1971. Кн. 1.

³ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина. Нью-Йорк, 1986. С. 879.

⁴ Московские новости. 1987. 27 нояб.

век. Всего потери составляли 20 млн., «причем цифра эта, вероятно, занижена»⁵. После смерти Сталина было подано около 20 млн. заявлений о реабилитации (по данным Р. и Ж. Медведевых). Надо думать, что таких заявлений было значительно меньше, чем пострадавших.

Осознание масштабов террора возможно лишь в сравнении. История знает немало изуверских режимов. Так, согласно Синодику опальных Ивана Грозного, в годы опричного террора было уничтожено три-четыре тысячи человек⁶. Эти данные далеко не полны, так как тысячи смертей не были зафиксированы в Синодике, будучи результатом опричного разбоя, всеобщего одичания, не говоря уже о голоде, разорении, о массовых иных репрессиях (например, неизвестно, сколько погибших было среди тех 12 тысяч служивых с их чадами и домочадцами, которые в 1564 году в зимнее время были «испомещены» с опричных земель на земские). Всего во времена Ивана Грозного погибло не менее нескольких десятков тысяч человек при населении от 6 до 10 млн. (по разным данным)⁷.

В том же веке в Англии за последние 14 лет царствования Генриха VIII казнено 72 тыс. человек (более 5 тыс. в год), за царствование Елизаветы I — свыше 89 тыс. (около 2 тыс. в год)⁸, при численности населения 4-5 млн. Герцог Альба за 6-7 лет своего правления в Нидерландах в конце XVI века казнил 18 тыс. человек. В Германии при Карле V было казнено около 100 тыс. человек⁹. В 1607 году по распоряжению царя Василия Шуйского пленных мятежников каждую ночь убивали сотнями (всего — до четырех тысяч человек), а тела топили в Яузе¹⁰. При подавлении восстания Степана Разина в одном Арзамасском уезде было казнено 10 тыс. человек. При Алексее Михайловиче в течение нескольких лет было казнено 7 тыс. человек, а при Петре I Великом иной раз в течение месяца подвергали казни свыше тысячи человек¹¹.

⁵ *Конквест Р.* Большой террор. Рига, 1991. Т. 2. С. 369-370.

⁶ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 191.

⁷ См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 49, 89 и др.; Там же. Примеч. к т. 9. Стб. 64-65 и др., Краткая история СССР. Изд. 4-е. М., 1983. Ч. 1. С. 85; *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Изд. 4-е. М., 1922. Т. 1. С. 255; *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 27.

⁸ *Соловьев Вл. С.* О смертной казни// Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 169.

⁹ *Шишов О. Ф.* Смертная казнь в истории России// Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Там же. С. 28.

По делу декабристов было арестовано 316 человек¹². Существует список приговоренных судом к смерти в России с 1826 по 1906 год — 690 человек. Из них фактически казнен 151 человек¹³. По другим данным, в этот период за разные преступления было казнено 997 человек. В «проклятое царское время» в конце XIX века тюрьмы были расчитаны на 100 тыс. заключенных. В эпоху Николая I было официально казнено «всего» 40 человек, но тысячи гибли в результате внесудебных расправ. От царствования Елизаветы Петровны и до эпохи Великих реформ сечение кнутом, плетью, батогами, розгами, шпицрутенами было завуалированной формой смертной казни (не говоря уж о других способах репрессий). Памятна лицемерная резолюция Николая I на приговоре о смертной казни: «Виновных прогнать сквозь 1 000 человек. Слава богу, смертной казни у нас не бывало и не мне ее вводить»¹⁴.

По данным М. Н. Гернета, в 1906-1912 годах число казненных составило 3 998 человек¹⁵, причем массовым явлением было внесудебное применение смертной казни по решению губернаторов и главнокомандующих. «Казнили людей по спискам, по указаниям шпионов и сыщиков, полицейских и черносотенцев... убивали людей без суда, без вины, иногда в силу какой-нибудь случайности, иногда по случайному раздражению. Убивали на глазах у всех, открыто»¹⁶. Писатель П. Д. Боборыкин ставит в вину бюрократическому царскому режиму эпохи «всеобщего согласия» и страшные самосуды крестьянской толпы над конокрадами («народно-русский закон Линча»), и еврейские погромы, и зверства черных сотен, и позорные ужасы китайских погромов («массовые потопления») в Благовещенске — это были «массовые казни над населением целых городов и областей»¹⁷.

Интересно сравнение с гонениями на ранних христиан, длившимися два с половиной века. Античный теолог Ориген писал о христианах, что жертв было мало и «их легко сосчитать», другие отцы церкви говорили о «тысячах христиан, павших во время мучений»¹⁸. Во всяком случае, речь не шла о миллионах. Количество жертв ведовских преследований в Западной Европе исчислялось десятками тысяч. За год разгула

¹² Блудова М. Д. Разночтение в книгах о декабристах// Вопросы истории. 1991. № П. С. 225.

¹³ Против смертной казни. М., 1906. С. 319-339.

¹⁴ Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории России// Смертная казнь: за и против. С. 35, 59.

¹⁵ Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913. С. 98-99.

¹⁶ Владимиров В. Казнь без суда// Смертная казнь: за и против. С. 233, 237.

¹⁷ Боборыкин П. Д. Законное злодейство// Там же. С. 245-246.

¹⁸ Буасье Г. Падение язычества. М., 1892. С. 568.

якобинского террора во Франции с июня 1793 по июль 1794 года погибло 40 тыс. человек при населении примерно 25 млн. человек. Все эти факты показывают, тем не менее, что количество жертв сталинского террора среди собственного народа было беспрецедентно в истории. По свирепости и масштабам убийств Сталин превзошел всех своих предшественников, и количество погибших сравнимо лишь с деяниями Пол Пота, если учитывать удельный вес жертв террора в населении страны.

Загадка заключается в том, что массовая гибель людей, по здравой логике, должна была вызвать столь же массовое негативное отношение к власти, сделать невозможным решение медиационной задачи, лишить власть социокультурной основы. Между тем именно в этот период единство народа и власти достигло высшей точки. В громадных масштабах истреблялись собственные граждане, захваченные без оружия, не имеющие специфических расовых и религиозных особенностей, при отсутствии даже намека на стремление к враждебным правительственным действиям. Количество жертв было столь велико, что им достаточно было повести плечами, чтобы уничтожить эту невиданную в истории мясорубку. Если же учесть, что у каждого из пострадавших оставалось на воле несколько родственников, друзей, то эта масса людей практически могла составлять все население страны. Количество жертв было столь велико, что невозможно отказаться от предположения, что они сами были соучастниками этого истребления. *Именно в этой всеобщей причастности наиболее ярко открывается загадочность, абсурдность этой исторической реальности.* Об этих событиях невозможно говорить в рамках здравого смысла. Абсурдными были не только масштабы событий, но и методы террора. Например, совершенно неправдоподобным кажется установление высшим руководством страны процентной нормы истребления. Избиение миллионов неграмотных людей, которые даже не могли взять в толк, в чем, собственно, их обвиняют, невозможно объяснить борьбой за власть между претендующими на нее группами. Если предположить, что страной овладели маньяки, то все равно требуется объяснить, почему общество не могло найти других людей, чтобы доверить им свою судьбу.

Ответственность за события во время правления Сталина невозможно свалить на одно или несколько лиц, на оборотней зла. *Террор проводила и поддерживала вся страна. Это было невиданное в истории самоистребление.* Все население страны должно было работать, обеспечивая пополнение лагерям: доносить, арестовывать, оформлять дела, транспортировать, охра-

нять, расстреливать и т. д. Все другие проблемы (например, эффективность производства) были отодвинуты на задний план: не было дела более важного, более срочного, нежели выполнение контрольных цифр истребительного плана. Страна опускалась в некую метафизическую бездну, где происходил распад самих основ жизни. *Причина этих событий могла корениться в скрытых ценностных установках, в смертельной схватке между ценностями, которые раздирали не только почву, но и каждого человека, превращая его и в палача, и в жертву одновременно.* Это явление вряд ли можно исследовать традиционными методами.

КОНЕЦ ВЯЛОЙ ИНВЕРСИИ

Банкротство общества, пытающегося воспроизводить себя на основе господства раннего идеала всеобщего согласия, вызвало распад идеала, стимулировало массовую инверсию к авторитаризму. Прямая инверсия, начавшаяся соборным идеалом, теперь вышла на финишную прямую. Вялые инверсии ощущались как неспособность довести борьбу со злом до комфортного конца, что накапливало дискомфортное состояние во время всех трех первых этапов. Эта вялость была вызвана тем, что реальная инверсия никогда не протекает в логически чистом виде, но тормозится постоянными от нее отступлениями, накопленным богатством культуры. Она утверждает реальную жизнь между крайностями, постоянно сдерживает эмоциональное злоупотребление прошлым опытом, ищет меру вещей. Накопление остаточного дискомфорта, вызванного прошедшими этапами в рамках второго глобального периода, дало двойной импульс. Он вызвал инверсию, которая приобрела на порядок более мощный характер, что открывало возможность довести ее до логически возможных пределов. Мощный социальный поток, а не жалкие конъюнктурные решения Политбюро, был движущей силой событий. Правящая элита пыталась оседлать этот процесс, выдвинуть пригодных для организации этого процесса людей и убрать тех, кто не делал это достаточно эффективно.

Опираясь на третью версию псевдосинкретизма, власть запуталась в своих отношениях с двумя расколотыми частями почвы. В письме заместителя наркома финансов М. Фрумкина руководству страны отмечалось, что деревня переживает процесс деградации, она, за исключением части бедноты, «против нас». Далее Фрумкин показал неспособность власти разрешить противоречия между политикой роста производительных сил в деревне и политикой уравнительности. Он писал: «Мы требуем

расширения посевных площадей — крестьяне расширяют их, а тогда мы их записываем в кулаки! Мы требуем расширения товарооборота — люди открывают мелкие ларьки, а мы их записываем в спекулянты! Мы требуем поднятия промышленности — и люди открывают сапожные мастерские, а мы их записываем в нэпманы! Мы требуем советской демократии — люди указывают нам на нашу антидемократичность, а мы их сажаем в ГПУ»¹⁹. Вся система действий власти превращалась в трагическую цепь хромающих решений. Власть металась между двумя исключаящими и разрушающими друг друга политическими линиями. С одной стороны, она пыталась сохранять условия для поддержания производства на сложившемся уровне, для его роста. С другой стороны, она сдерживала рост расслоения, имущественного неравенства, угрожающий массовым дискомфортным состоянием, неконтролируемыми социальными процессами. В условиях господства сталинизма хромающие решения, органически вытекающие из раскола, приобрели крайние формы, которые вели к замене одного крайнего решения противоположным, вплоть до уничтожения людей, которые выносили или отстаивали отмененные решения. Сталин «правил страной, как рулевой в бурную погоду на океане, бездумно бросающий дырявую лодку навстречу грозным волнам. Пассажиры же ее — члены ЦК — то беспрерывно выкачивали воду со дна лодки, то отчаянно металась с одного борта на другой, чтобы сбалансировать ее движение, но неумолимый рулевой²⁰ балансировал его тем, что бросал их за борт одного за другим»²⁰.

Господство хромающих решений не позволяет обществу подняться над конъюнктурой, преодолеть инерцию истории, обрекает общество на пассивное следование узко понятому накопленному опыту, на критику одной формы опыта опытом другой формы и наоборот. Общество при этом не видит реальных альтернатив, в особенности на узловых пунктах истории, как это и происходило в конце нэпа.

РЕАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Многим кажется, что именно в конце нэпа произошел тот роковой поворот, который определил дальнейшее развитие общества, приведшее к губительным последствиям для страны, к

¹⁹ См.: Авторханов А. Г. Технология власти. Ч. 1 // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 144.

²⁰ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне, 1986. С. 126.

катастрофическому разгрому крестьянства. Однако констатация трагичности этого поворота не снимает обязанности осмыслить его с точки зрения реальной возможности другой альтернативы. Опыт истории страны показывает, что возможность подобного выбора между развитием по пути ценностей относительно активного меньшинства деревни или уравнительного большинства уже неоднократно вставала перед страной. Попытки пойти по первому пути в конечном итоге всегда кончались массовым поворотом на второй. *Исходный пункт этой альтернативы — реформа 1861 года, когда фактически была освобождена не личность крестьянина, а община. Это вело не к краху крепостничества, но к победе его общинной версии над государственной.* Общины — мощные многочисленные центры зависимости человека от целого — постоянно несли возможность массового выброса своих ценностей в общество вплоть до его высшей точки. Это, впрочем, не означает, что, поднимаясь вверх, эти ценности остаются всегда неизменными. Мощная уравнительная основа нравственности постоянно разбивала иную альтернативу, т. е. попытки меньшинства встать на путь утилитаризма и расслоения. Эта альтернатива потерпела поражение в процессе осуществления столыпинской реформы, когда крестьянство оказывало массовое сопротивление разрушению общины. Эта альтернатива вновь возникла в результате краха старой государственности и опять была сокрушена на этапе военного коммунизма.

Могла ли быть альтернатива отказу от нэпа, т. е. могло ли иметь место преодоление исторической инерции, циклического характера развития? Эта проблема еще требует корректной постановки. Сама возможность альтернативы в конечном итоге имманентна массовому субъекту. Однако всегда остается открытым вопрос о способности соответствующего субъекта ее реализовать. Не следует забывать, что этим субъектом были миллионы людей, всю историю боровшиеся за уравнительность, против роста развитого утилитаризма. Исследования показывают, что в то время «желание какого-то перелома было все заметнее. Все громче призывы придумать какой-нибудь зигзаг, чтобы поскорее прийти к заветной цели. Эта доминанта общественного сознания оказывала влияние на руководство и на выработку целого ряда политических решений»²¹.

Логически преодоление уравнительности могло осуществляться через медиацию, т. е. через поиск нетривиального решения, творчески сочетающего в себе элементы обеих альтер-

²¹ Бордюгов Г., Козлов В. «Революция сверху» и трагедия «чрезвычайщины»// Литературная газета. 1988. 12 окт. С. 11.

натив. Оно должно было, с одной стороны, избежать роста массового дискомфортного состояния у большинства, и, с другой — предотвратить крах наиболее производительного слоя, точек роста, очагов прогресса в сельском хозяйстве. Но для этого был необходим массовый культурный подъем, качественное изменение массовых ценностей.

Инверсия подгонялась мощной массовой экспрессией, возникающей дискомфортом в результате неудачи вялой инверсии — некоторого отступления на пути от соборного идеала к авторитаризму. Выбор определялся иерархией причин, в основе которых лежало существование мощного архаичного уравнительного большинства, не прошедшего соответствующий путь медиации. Новая правящая элита как огня боялась повторить путь прошлой правящей элиты, которая вступила в борьбу с уравнительностью и погибла. Новая правящая элита опять повернулась к уравнительности, не гнушаясь ее крайним форм. Однако при этом следует отметить поразительный факт. Среди членов Политбюро, даже в период кризисов, не было сторонников ликвидации нэпа. Никто не выступал против него и с ним как таковым не боролся. Споры, конфликты имели место постоянно. Например, на XV съезде партии в 1927 году трое делегатов — К. Бауман, В. Милютин, А. Шлихтер — выступили против В. Молотова, предложившего непосредственный переход к производственному кооперированию крестьянства. Однако разные варианты не рассматривались как альтернатива нэпу. Но когда нэп подошел к критической точке, никто из высшего руководства не мог предложить последовательной альтернативы в рамках нэпа, которая укрепила бы экономическую связь отраслей и одновременно обеспечила бы страну продовольствием, средствами для индустриализации. Это обстоятельство говорит о многом, прежде всего о том, что мышление этих людей, независимо от индивидуальных различий, было неадекватно стоящим проблемам. Правящая элита, даже вопреки собственным убеждениям (вспомним знаменитое обращение Бухарина в 1925 году к крестьянству — «обогащайтесь!»), перешла к введению карточной системы, к продрозверстке, к «чрезвычайке». По сути дела, произошел возврат к принципам синкретической государственности. Неожиданность этого решения, его несоответствие всей системе идей членов правящей элиты — свидетельство наличия мощных неконтролируемых сил в обществе, к которым всемогущая элита лишь приспособлялась.

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА ИДЕТ ВПЕРЕД

Полный отход Ленина из-за болезни от управления в марте 1923 года лишил правящую элиту авторитетного и пронзительного лидера в исключительно сложной ситуации. Ленин, уже не способный управлять, мог видеть раздоры в своем окружении. Тем самым он пополнил длинный список людей, занимавших высший пост в России и переживших крах своих замыслов. Высшая власть теряла способность контролировать социальные процессы. Это означало, что раскол разрушал медиатор до самой вершины. Раскол, угрожавший существованию государства, стимулировал неуклонное нарастание изменений в составе правящей элиты.

Первое, ленинское поколение правящей элиты вело свое происхождение от интеллигенции, пошедшей некогда за идеями Белинского, Чернышевского. Но одновременно пришедшие к власти люди были наследниками той интеллигенции, которая строила государственность, находясь у нее на службе. *Ленинское поколение правящей элиты объединяло стремление к коренной инверсионной (революционной) перестройке общества и высокую способность к организационной работе.* Люди, пополнявшие первое поколение, сами были детьми интеллигентов или, во всяком случае, людей, имеющих образование, возвышающее их над основной частью народа. Эта интеллигенция в конечном итоге стремилась к синтезу, к объединению ценностей почвы и прогресса, славянофильства и западничества. Но где-то в глубинах сознания, в своих надеждах они тяготели скорее к исковерканным модифицированным идеалам Запада, стремясь воплотить некоторые из его ценностей (например, развитие машинного производства, приобщение населения к некоторому уровню западной культуры). *Однако у этого поколения правящей элиты была роковая слабость. Оно не могло воспроизводить себя, заполнить собой все руководящие посты. Его победа, как это и соответствует идеалу псевдосинкретизма, открыла людям из низов, способным к организационной работе, путь наверх.*

Как бы ни был вначале слаб этот поток, он постепенно усиливался. Это были люди, существенно отличные от ленинского окружения. Они вышли из локальных миров или, во всяком случае, разделяли в значительной степени соответствующую систему ценностей. Продвижение вверх требовало определенного образования. Оно заключалось в приобретении грамотности, приобщении к ценностям идеологии псевдосинкретизма, в приобретении определенных навыков организационной работы. Свой подъем вверх представители новой

правлящей элиты воспринимали как естественный результат революции, как свое завоеванное право. Это продвижение было для них воплощением власти народа, с которым они себя отождествляли.

Движение почвенных сил по капиллярам медиатора было важнейшим проявлением новой авторитарной инверсии, мощным ее клином. Постепенно ослаблялись западнические элементы псевдосинкретизма, усиливалось влияние модернизированного синкретизма. Вливание в партию из почвы было исключительно сильным. Псевдосинкретизм стал работать в обратную сторону, как неправильно собранный пылесос, т. е. *не столько высшее руководство партии подтягивало к себе низы, сколько низы заставляли верхи следовать своим ценностям.* Медиатор подчинялся давлению почвенных ценностей, сопротивляясь лишь тем из них, которые непосредственно угрожали государственности.

Такие процессы имели место и на других этапах истории. Например, идеалы Пугачева менялись в зависимости от давления снизу. Сначала содержание его воззваний определялось требованиями яицких казаков. Затем стали доминировать требования помещичьих и заводских крестьян, различных народов Юго-Востока страны, после чего на первое место вышли антикрепостнические требования крестьянства, так как именно крепостное крестьянство стало массовой социальной базой восстания.

Первое поколение правящей элиты вдохновлялось уравнительными, антисловными и даже антигосударственными идеалами. Поэтому оно было аскетично, не нуждалось в дополнительных утилитарных стимулах. *Новое поколение было воспитано на почвенном утилитаризме.* Оно могло служить медиатору, если видело в своей работе источник утилитарных благ. Это стремление к благам сочеталось с ростом способности к организационной деятельности, что требовало определенного соотношения между степенью сложности, ответственности работы и количеством утилитарных благ. Эти люди несли из глубокой древности веру в естественность своих целей, некритическое к ним отношение. Они слепо верили в технику, в технические средства и рассматривали организацию по аналогии с машиной. *Они пытались соединить две разновидности умеренного утилитаризма: старую идею общего блага и растущий индивидуалистический утилитаризм.* На этой основе медиатор пытался соединить идеал общества — патриархальной семьи-машины — с индивидуалистическим утилитаризмом, посредством которого цементировалась организация медиатора, создавалась система благ для его чиновников.

Новое поколение правящей элиты, будучи ближе к почве, было более склонно к решениям инверсионного типа. Оно стремилось единым махом перейти в царство Правды. Эта цель оправдывала все средства. Эти люди плохо понимали смысл дискуссий, которые вели представители первого поколения правящей элиты. Дело было даже не только в отсутствии необходимых знаний, но прежде всего в непонимании того, что выработка истины — тяжелый труд, что диалог есть форма этого труда. Ленин полагал, что состав партии в 300-400 тыс. человек чрезмерен. Не в последнюю очередь эта точка зрения, видимо, определялась тем, что в 1922 году 92,7% членов партии были полуграмотными²². Носителями Правды-истины могло быть лишь незначительное меньшинство. Сталин под давлением снизу круто изменил концепцию и практику формирования партии, ориентируясь уже не на узкий круг интеллигентов-модернизаторов, но на глубинные почвенные слои. После смерти Ленина к декабрю 1925 года численность партии достигла 1 млн. 88 тыс. человек. В 1928 году ленинская гвардия составляла в партии немногим более 1 %. Это свидетельствовало о крутой перемене содержания Правды-истины, о ее народническом опрощении, об отходе на задний план ее более изощренного варианта, еще как-то связанного с марксизмом.

НУЖЕН ВОЖДЬ

Уже с 1921 и особенно после 1924 и вплоть до 1937 года регулярно организовывались чистки партии, которые подчиняли ее массовому сознанию с его верой в вождя-тотем, способного обеспечить уравнительность, «справедливость». Новым людям нужны были простые и ясные слова, как проста, ясна и естественна была сама Правда, да еще совпадающая с пророческим словом науки. Им нужен был простой, соответствующий их уровню вождь, который повел бы их вперед на последний решительный бой с оборотнями зла. Им нужен был вождь, из приобщения к которому как к внешней силе они могли бы черпать свою собственную силу.

Стремление к авторитаризму на каждом историческом этапе приобретает свою конкретную форму, отвечающую потребностям не только крестьян, замкнутых в локальных мирах, но и горожан, людей, способных вести диалог с людьми иной культуры. Например, во времена Смутного времени происходил диспут о сути власти. Поляки советовали русским соединиться с польским народом и также приобрести свободу. Те

²² Правда. 1928. 27 янв.

отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие... У нас... самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу. Если же сам царь поступит неправосудно, его власть... Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света»²³. По сути дела, это экстраполяция тотемизма, осложненная не затрагивающей основы древнего менталитета интерпретацией.

Такого рода представления всегда требовали вождя определенного типа, отвечающего конкретной интерпретации тотемизма. На четвертом этапе таким вождем не мог быть интеллигент ленинского окружения. Им не мог быть Л. Троцкий с его стремлением к независимости от массового сознания. Им не мог быть Н. Бухарин с его нежеланием идти на крайние меры в деревне. Таким вождем стал И. Сталин, единственный, кроме Г. Зиновьева, неинтеллигент среди ленинского окружения. Он удивительно точно соответствовал социальному заказу, идеалу второго поколения правящей элиты. Троцкий удачно назвал его «наиболее выдающейся посредственностью нашей партии».

Он казался окружению еще проще Ленина. Один из шедших за ним людей сказал: «Именно отсутствие у него блеска, его простота заставляла нас верить тому, что он говорил». Это почвенное стремление к простоте порождало губительные иллюзии, когда оно выходило за рамки древнего локального мира. Нужен был человек, который довел бы до дела утилитарное отношение к истине, к Правде, стал бы на точку зрения возможности безграничного манипулирования культурой. Бухарин говорил в 1928 году о беспринципности Сталина, о том, что «он всегда готов сменить свои взгляды» во имя власти. Эта беспринципность открывала путь для очередной смены идеологии на прямо противоположную по сравнению с исходной точкой развития нового общества. Эта беспринципность и была идеальным условием для постоянной выработки хромающих решений.

Авторитарная инверсия требовала от первого лица манихейской идеологии в ее крайней форме. Сталин был именно таким человеком. «Жизнь в Грузии, полной царских чиновников, внушала ему, что мир разделен на два враждующих лагеря — мир друзей и мир врагов. В это миропонимание входили также и традиционные обычаи кровной мести и романтический образ Кобы» (отважный страдающий герой романтичес-

²³ Дневник Маскевича// Сказания современников о Димитрии Самозванце. Изд. 3-е. СПб., 1859. Ч. 2. С. 56. См. также: *Милуков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3. Вып. 2. С. 84.

кого писателя Казбеги). В его сознании складывался «идеологический символизм, согласно которому все человечество разделено на два гигантских враждующих класса, класс угнетенных и класс угнетателей»²⁴.

Из наследия Ленина Сталину достался ключевой пункт — управление реальной медиационной организацией. Соединение административной власти с функцией мифологического носителя и гаранта Правды возносило первое лицо над обществом. Партия не связана законом и может быстро перебрасывать ресурсы на угрожаемые участки, только она в условиях псевдоэкономики может обеспечивать принудительную их циркуляцию, так как никакие другие механизмы, достаточно мощные, в обществе не существовали. Именно при переходе к авторитаризму это обстоятельство выявилось со всей полнотой, что и вознесло Сталина. Сталин, обладая способностью к конъюнктурному манипулированию, хорошо воспользовался этой ситуацией, отбросив всякие представления о человеческих правах, независимых от первого лица.

СТАЛИНИЗМ

С именем Сталина связано возникновение новой, четвертой версии псевдосинкретизма (сталинизма). Предшественник Сталина Ленин обладал выдающейся гибкостью, способностью постоянно переформулировать свои идеи в соответствии с массовыми инверсионными колебаниями. За сравнительно короткий срок (пять лет и четыре месяца, т. е. до 10 марта 1923 года, когда болезнь окончательно его свалила) Ленин сумел остаться во главе страны в условиях господства трех идеалов, был активным инициатором перехода от одной версии псевдосинкретизма к следующей. Для России это беспрецедентное явление. Неизбежен вопрос — каким образом Ленин осмыслил бы наступление массовой авторитарной инверсии? Если судить по последним работам Ленина, он попытался бы, видимо, смягчить этот поворот, пытаясь избежать его крайних форм. Это можно заключить по изменению его отношения к кооперации²⁵, по его борьбе против «преувеличения административной стороны» среди руководства партии (см. его письма с 23 по 29 декабря 1922 года)²⁶, это видно из его страха перед объ-

²⁴ Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879-1929// История и личность. М., 1990.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369-377.

²⁶ Там же. С. 343-355.

единением «аппаратов национальных с аппаратом русским»²⁷ и даже из стремления пойти «назад» в сфере централизации управления республиками (31 декабря 1922 года)²⁸ и т. д.

Ленин не мог не видеть, что его идея тождества общинного (т. е. основанного на локальном самоуправлении) и государственного социализма распалась. Если военный коммунизм еще можно было трактовать в свете этого тождества, то нэп, который не только обнажил бездну между городом и деревней, между народом и государством, но и свидетельствовал об отсутствии тождества государства и локальных миров, этого не позволял. Ленин при жизни потерпел крах в главном пункте: «освобожденный» от гнета народ не создал самоуправляемое общество, основанное на постоянной безграничной эманации народного творчества; рабочие не выполнили свою историческую миссию, свою роль посредника между партией-государством и крестьянством. Поражение ленинизма заключалось в том, что попытки «тянуть» все слои населения к высшей Правде не приблизили к ней народ, но потянули вниз. Этот процесс оставил Ленина в трагической изоляции и подталкивал его к точке зрения, что крестьянство, прошедшее культурную революцию, может создать новое общество. Это означало отказ от всего исторического пафоса исторически сложившегося ленинизма.

Можно было вновь и вновь предлагать методы активизации народа — от нэпа и кооперации до вовлечения рабочих в управление. Но эффект от этого в лучшем случае можно было ожидать не скоро. Сталин же предлагал быстрое, пользующееся массовой поддержкой средство. Ленин был более склонен вступить в борьбу с нарастающей инверсией, чем опираться на нее. К концу своего правления он отчетливо осознавал опасность административно-бюрократического, чисто авторитарного решения медиационной проблемы. Ленин был буквально в ужасе. «Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте „ведомств“... Ведомства — говно; декреты — говно» (21 февраля 1922 года)²⁹. Ленин не только вступил в борьбу со Сталиным, но и пытался ослабить наступление авторитаризма, выступая против засилья административных методов работы. К концу жизни он стал искать союза с Троцким, т. е. с человеком, который еще до 1917 года критиковал Ленина за антидемократизм. Тем не менее Ленин мог противопоставить наступлению крайнего авторитаризма лишь политику лавирования на основе третьей версии псевдосинкретизма. Остается откры-

²⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 362.

²⁸ Там же. С. 361.

²⁹ Там же. Т. 44. С. 369.

тым вопрос о том, на какие силы мог бы опереться Ленин в борьбе с крайним авторитаризмом. Вполне возможно, что здесь возник бы опаснейший для Ленин конфликт между ним и новым поколением правящей элиты. О том, что сам Ленин подвергался опасности со стороны этих сил, свидетельствует, например, публикация при его жизни, но без его ведома компрометирующих писем, доказывающих его связь с Ганецким, которую Ленин скрывал³⁰, а также и то, что во время своей болезни он находился фактически под домашним арестом.

Четвертая, сталинская версия псевдосинкретизма характеризуется таким изменением мозаики ипостасей псевдосинкретизма, которая *абсолютизирует авторитаризм*, доводя его до логически крайней формы, до *тоталитаризма*. Утилитарная манипуляция подошла к *идее использования традиционализма в качестве господствующего нравственного идеала*. Практически это означало, что все иные нравственные системы: идеал всеобщего согласия, либерализм и утилитаризм, который, собственно, и создал возможность манипуляторского подхода к нравственности, — стали рассматриваться как враждебные. Тем самым отрицались не только три предшествующие версии псевдосинкретизма, но и, по сути, сам принцип псевдосинкретизма, в основе которого лежала идея необходимости движения к Правде. Различия между разными нравственными идеалами при этом признавались, но сводились лишь к тем, что существуют по разные стороны колючей проволоки концлагеря.

В основе сталинизма лежал гипертрофированный древний менталитет, рассматривающий любую собственную активность субъекта как результат внешней силы, т. е. в данном случае — первого лица. Новая инверсия была результатом разочарования масс в самих себе, в своей способности реально управлять обществом, что и создало основу для инверсионного стремления примкнуть к внешней силе, к власти партии, к силе и разуму вождя-тотема. В четвертой версии псевдосинкретизма было отвергнуто двусмысленное сочетание выборности и диктатуры. Партия уже не могла рассматриваться как средство приобщения масс к высшей Правде. Медиационную задачу надо было решать сегодня, сию минуту, не дожидаясь, пока массы научатся творить новые организационные формы, выбирать людей, способных решать медиационную проблему.

Сталинская версия псевдосинкретизма отказалась от старого, разделяемого Лениным основного заблуждения русской ин-

³⁰ Неизданные письма тов. Ленина (1917 г.)// Пролетарская революция. 1923. № 9. С. 227-232.

теллигенции, касающегося способности народа единым махом создать идеальное общество. Четвертая версия исходила из того, что нужно опереться на более реальные силы, на силы организаторов, объединенных в медиаторе, на жесткий монолог, из того, что если народ не может создать новое общество, то его должна создать партия. Если и партия, теряющая свой монологический характер, не может это сделать, то она должна приобщиться к высшей Правде вождя, к его монологической воле.

Сталин стал высшим и единственным, абсолютным воплощением Правды-истины-справедливости-силы, всех атрибутов божества. Это был земной бог, власть которого не имела пределов. Он якобы формировал саму нравственность, освобождая людей от совести во имя высших целей. Отсюда обоснованность его власти над всем человечеством, которое должно приобщиться к высшей Правде через мировую революцию. Опыт такой гипертрофии в иных идеологических одеждах уже имел место в стране. Идея Москвы как третьего Рима, возникшая в первой половине XVI века, получила свое развитие в представлении, что русские властители являются вселенскими христианскими государями, императорами всех православных мира. И потому они «обладают правом править ими и защищать их, а также, надо разуметь, правом ставить их под русскую власть. Об этом заявлялось не раз, в том числе на церковном соборе 1561 г. В иных сочинениях утверждали, что русский царь является государем всех христиан, а не только тех, кто исповедует православную веру»³¹.

Сталин отказался от пахнувшей двоевластием идеи партии как повивальной бабки народовластия. Он отказался от двойственной идеи то ли безгосударственного народовластия, то ли народного государства. Утилитарный разум нового поколения правящей элиты не мог понять, зачем, с какой стати заменять власть партии и вождя народовластием. Это искренне казалось им опрометчивой глупостью и даже прямой контрреволюцией. В институте, где я учился, был преподаватель, который утверждал, что идея передачи власти рабочим контрреволюционна. Новая версия псевдосинкретизма отошла от ленинской идеи нерасчлененного синтеза общинного и государственного социализма, пытаясь все свести ко второму, подавив первый. Это, собственно, и означало попытку введения тоталитаризма. Сталин провозгласил: «Вмешиваться во все»³². Это означало, что вся истина, вся Правда во всех формах, включая повседневность, обретает себя, лишь приобщаясь к этой высшей са-

³¹ Пайнс Р. Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 312.

³² Сталин И. В. Сочинения. М., 1955. Т. 13. С. 41.

кравальной точке, которая черпает саморазвитие в самой себе и, следовательно, неподсудна никакой критике. Тем самым эта версия дала основания для обвинения в отказе от социализма, от ленинизма. В определенном смысле это верно, если под социализмом понимать попытку сочетать общинность-артельность с государственностью. Но это и неверно, так как сам псевдосинкретизм открывал возможность поиска различных вариантов, хотя лично Ленин противостоял этому варианту — крайнему авторитаризму. Медиатор стимулировал атомизацию общества, проникал во все закоулки. Запрет на организационные изменения коснулся всех элементов общества. Практически накладывался запрет на организационное творчество, за исключением громоздких и малоэффективных реорганизаций. Новая система, перед которой, казалось бы, не могло быть преград, получила в наследство от древности представление о незыблемости организаций. Такое наследство обрекало общество на застой и деградацию и, в конечном итоге, на отход от утилитарной идеи общего блага.

Необходимо было найти какой-то выход, т. е. сохранить в незыблемости медиационную организацию и обеспечить какое-то подобие прогресса. Эта задача кажется совершенно неразрешимой, так как рост и развитие немислимы без спонтанных изменений. *Выход был найден во введении новшеств через санкционированный сверху план, что воплощало древнее представление о вожде как единственном источнике инноваций.*

СТАЛИНИЗМ И ХОЗЯЙСТВО

Сталинизм превратился в ведущую силу, в реальную власть на волне мощного стремления покончить с товарно-денежными отношениями. Для власти в истории России характерно весьма сложное отношение к этому явлению. Своей фискальной политикой она постоянно требовала от крестьянства торговать, чтобы получать наличные деньги. Но подчас власть свирепо преследовала рыночные отношения. Во времена ордынского ига князья вели ожесточенную борьбу с вечевыми институтами, с торгово-ремесленными посадами. Тяжелейший удар по товарно-денежным отношениям был нанесен в царствование Ивана IV, когда были разгромлены Тверь, Новгород и целый ряд других городов — своеобразные «очаги прогресса», центры ремесленничества и торговли. «Опричина была попыткой одним ударом разделаться с европейско-феодальным и европей-

ско-рыночным укладами»³³. Постепенно, однако, власть все больше пыталась развивать рынок.

Новая, советская власть вновь повернула к старой традиции. Если Ленин в конечном итоге осознал необходимость рынка, то политики четвертого этапа псевдосинкретизма пытались бескомпромиссно подавить рыночные процессы. *Из двух хозяйственных традиций, в полном согласии с инверсионной, антистетической логикой, была выбрана только одна.* Она имела массовую опору в крестьянстве, которое стремилось не к постоянному повышению эффективности своего воспроизводственного процесса, а к сохранению себя в некоторых приемлемых и привычных рамках. «Всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи»³⁴. Уже в этом содержалась некоторая мина, подложенная под сталинскую версию псевдосинкретизма. С одной стороны, антикапиталистическая направленность открывала власти возможность опереться на натуральное докапиталистическое хозяйство, склонное к автаркии. Но в четвертой версии, как и во всем большевизме, была и другая сторона — стремление к модернизации. И здесь существование «естественного предела своей продукции», о котором говорил А. Чаянов, свидетельствовало о конфликте между властью и крестьянством. Власть пыталась преодолеть это несоответствие. Она стремилась построить свои отношения с любой производственной ячейкой на основе плана, т. е. тоталитарной директивы, несущей изменения, от которых ждали развития и прогресса.

ХРОМАЮЩИЙ ПЛАН

План строится как система изменений, предусматривающих рост и развитие. Тем самым, казалось, решалась задача соединения развития и предотвращения опасных изменений. Государственный план является некоторой системой взаимоувязанных показателей экономической и социальной жизни, которые обязательны к выполнению и должны обеспечить строго контролируемое и сбалансированное развитие. Но одновременно была сделана попытка восстановить традиционный тип управления обществом, когда необходимость строгого следования статичным нормам и ценностям защищалась государственной

³³ Стариков Е. Н. От Ивана до Петра// Знамя. 1992. № 5. С. 193.

³⁴ Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1923. С. 5.

властью, возникшей на определенной ступени традиционного общества. Возникла задача обеспечить строго контролируемые изменения. Такая система возможна лишь тогда, когда, с одной стороны, общество страшится перемен, видит в них фактор, повышающий дискомфортное состояние с его опаснейшими последствиями, с другой стороны, когда в обществе творческие силы значительно ниже тех требований, которые предъявляют растущие утилитарные потребности и удовлетворение которых государство берет на себя, т. е. обеспечивает то, что должно делать общество. Иначе говоря, ставились две несовместимые задачи: сохранение исторически сложившегося порядка и одновременно внесение в него потока существенно изменяющих этот порядок инноваций. Расколота ситуация контролировалась установлением фильтра на пути опасных изменений. Этот фильтр заключался в постоянном внесении директивных изменений, коррекций в сам директивный план, а потому и директивный план, и решения, формирующие его, приобретают хромающий характер.

Планирование было, по сути, псевдопланированием, так как оно строилось на основе навязывания плана исполнителю. Оно исключало и подавляло самое главное — творческую волю работника, стремление его к саморазвитию, самосовершенствованию, к поиску в каждой клеточке общества такого пути ее собственного развития, которое было бы нацелено на устранение раскола в обществе. Все это выхолащивало планирование до уровня примерных прикидок количественного роста. Отсюда двойственное отношение исполнителя к плану. С одной стороны, с планом нельзя не считаться, как с объективной внешней силой, как с волей тотема. Но, с другой стороны, надо всеми средствами уменьшить свою зависимость от плана, ускользнуть от его давления в сферу собственной жизни. Такая странная система могла возникнуть лишь как результат низких темпов роста творчества, обусловленных сильным влиянием синкретизма, враждебностью широких масс к своему творческому авангарду, в том числе к авангарду в сфере частной экономической инициативы. Отсюда мучительная, уродливая попытка правящей элиты взять на себя через директивный план функции творческого начала всего общества, создать один гигантский источник творчества, один двигатель развития и роста на вершине власти. Только высший носитель Правды — реальный субъект инноваций. Подобная система требовала авторитарных иллюзий о всемогуществе государства, партии, первого лица. Однако система планирования, сложившаяся на этой платформе, оказалась расколотой в самой своей основе. В

частности, она была не в состоянии преодолеть несоответствие между натуральной и товарно-денежной сторонами плана.

НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

На основе партии нового типа складывался медиатор нового типа. Организация превращалась в средство, в гибкий инструмент достижения утилитарной цели. В данном случае медиационная задача должна была решаться на новой нравственной основе — на абсолютной вере в вождя. При Сталине завершился процесс восстановления разрушенного синкретического государства, принявшего беспрецедентные тоталитарные формы. Это государство — составная часть медиатора. Гибкость партии, ее способность бросать все силы на угрожаемые направления, изменяя соответствующим образом свои организационные формы, отличали ее от традиционного государства. Поэтому, хотя собственно государство оставалось необходимым, оно подчинялось партии, т. е. организации,¹ ставящей выше любых функций государства, выше любых целей решение медиационной проблемы. *Партия подчиняет себе государство в рамках медиационной организации нового типа, которая, с одной стороны, преодолевает жесткую неподвижность старого государства, а с другой стороны, не доросла еще до способности развиваться, совершенствоваться вместе с обществом.* Медиатор нового типа носил двойственный характер. Он пытался соединить жесткость организации с возможностью ее изменять на основе изменения конъюнктуры. В соответствии с новой версией псевдосинкретизма народ должен был поддерживать, питать организацию, создаваемую первым лицом, ограничивать свое творчество приспособлением к уже существующей организации, как в седой древности. Партия и вождь брали на себя функцию монопольного демиурга инноваций, с тем чтобы народ приспособивался к этому процессу, к различного рода организациям, безропотно преклоняясь перед ним.

Четвертая версия псевдосинкретизма представляет собой логический акт инверсионного колебания общества, определяемого силой исторической инерции. Но одновременно она есть выход за общие рамки традиционного ленинизма, охватившего лишь три этапа, три варианта господствующего нравственного идеала нового общества.

Ставка новой версии псевдосинкретизма на уравнивательные идеалы практически означала ориентацию на экстраполяцию крепостничества, сохранившегося в локальных мирах, на все общество. После временного отступления при нэпе этот про-

цесс начался с невиданной мощью. Ситуация изменилась и в том смысле, что теперь власть не была на стороне меньшинства, как это имело место при Столыпине. Власть не придерживалась непоследовательной, половинчатой позиции, как это часто было при Ленине. Теперь к власти пришли люди, четко и однозначно идеологически вставшие на сторону безоговорочной, бескомпромиссной борьбы с мировым злом, с богачами, «кулаками», со всеми, чье благосостояние, уровень творчества были выше некоторого уровня, принятого за норму. Причем превышение этой нормы рассматривалось как результат эксплуатации, нетрудовых доходов и т. д. «От трудов праведных не построишь хором каменных». Общество рассматривалось как гигантская натуральная община, как воплощение дорыночных отношений, окончательного поражения всяких попыток утвердить господство товарно-денежных отношений. *Власть и уравнительная часть общества сошлись на общей нравственной платформе.* Это дало гигантский эффект. *Сложилось то, что получило официальное название «морально-политического единства советского народа».* Власть и народ объединились в борьбе с мировым злом, которое, как казалось, проникло чуть ли не в каждый дом, каждую семью. Было великим счастьем, что страной управлял такой всемогущий и всевидящий вождь-тотем, в крайнем случае его потомок (что по сути одно и то же), от которого не мог укрыться никакой враг. Массовому энтузиазму не было предела.

Этот новый молниеносный возврат к крепостничеству имел исторические прецеденты. Не говоря уже о военном коммунизме, можно в этой связи напомнить о попытке контрреформ Александра III. Он «частично восстановил крепостное право, подчинив крестьян (в 1889 г.) почти произвольной власти земского начальника, назначавшегося по рекомендации местных помещиков из „потомственных дворян“». У крестьянина теперь опять был „барин“... Новый барин, как и старый, мог сажать крестьян в холодную по своему усмотрению, а пороть — через волостной суд, который был подчинен земскому начальнику. Некоторые стали пороть так усердно, что вызвали крестьянские беспорядки и угодили в конце концов под суд. *Но в общем сопротивление новому крепостному праву шло не из деревни»*³⁵.

В древнем обществе экстраполяция крепостничества на все общество не разрушала общину, локальные местные сообщества. Наоборот, синкретическое государство опиралось на эти первичную ячейку, на свою со-

³⁵ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 155 (курсив мой. — А. А.).

циальную, экономическую, нравственную основу. Здесь же произошло нечто принципиально иное, на что следует обратить особое внимание. Парадоксальным образом избивение наиболее активного меньшинства деревни в действительности оказалось неслыханным в истории погромом, террористическим ударом по всей социальной структуре деревни.

Для того чтобы понять, что, собственно, произошло в деревне в период господства сталинской версии псевдосинкретизма, следует обратить еще раз внимание на амбивалентный характер соборных институтов традиционной системы самоуправления, неотделимой от вечевоего идеала. С одной стороны, это были институты, функционирование которых идет снизу, из почвы, из глубин народной жизни. Они призваны эту жизнь воспроизводить, охранять. Почвенный характер этих институтов иногда толкает либеральную интеллигенцию к их оценке как демократических, что в принципе ошибочно. Соборные институты быстро переходят в авторитарные. Это выражается в истолковании тех или иных внешних и внутренних отношений как авторитарных, т. е. несущих власть одного полюса над другим. Это может касаться отдельного члена этого института, который живет с сознанием «против мира не пойдешь». Это касается самого сельского мира, который склонен подчиняться абсолютной власти внешней силы, например, барина или царя. Даже мятеж против власти не меняет сути этого отношения, но приводит лишь к смене одного источника авторитарной власти другим, одного тогема другим. Вспомним стремления крестьян избавиться от барина и всем стать государственными, т. е. царскими. Опыт истории советского общества раскрывает поразительную картину быстрого, подчас молниеносного превращения таких самостоятельных институтов, как советы, кооперация, в инструмент государственной власти, хотя и не слишком исправный.

Теперь настала очередь сельской общины. Лишенное наиболее развитой, авторитетной части своих членов, которые, как нарушители принципа уравнительности, подвергались избивению еще с начала века, крестьянство так и не заметило, как и когда раскол между двумя группами крестьян перешагнул в процессе избивания меньшинства границу между меньшинством и большинством. Раскол почвы шел дальше, через толщу самих сторонников уравнительности. Большинство отбросило, растоптало не только утилитарное меньшинство. За ним пошли те из вчерашнего большинства, которые по разным причинам, даже будучи бедняками, середняками, не хотели доведения уравнительности до обобществления орудий и средств производства, т. е. трактовали уравнительность

ограниченно. В принципе стремление к уравнительности не знает пределов, всегда есть возможность выделить новые признаки нарушения уравнительности, все более тонкие и все менее уловимые. Этот *ажитаж уравнительности* доходил до крайних форм, до ежегодных переделов земли, что удивляло даже выходца из крестьян М. Калинина. Крестьяне прибегали ко все новым переделам, так как не были удовлетворены «дележкой даже на самых справедливых, по их мнению, началах. Вера в возможность справедливого и равного наделения всех толкала крестьян к новым и новым переделам»³⁶. В принципе здесь не было ничего нового. В определенные периоды «крестьяне не столько работают, сколько проводят время в дележах» сенокосов, предназначенных для посева клиньев, писали очевидцы и участники в ответ на вопросы Смоленской губернской управы о причинах упадка сельского хозяйства и путях его поднятия³⁷. Борьба за уравнительность не имеет логического предела, так как в любой момент можно найти различия и превратить их в повод для конфликта. Попытка оправдать эту борьбу опасностью роста «кулака» — миф, результат поиска некоторого основания для практики уравнительности. «Ретропрогнозы социальной структуры деревни показывают, что даже при долговременном сохранении благоприятных условий хозяйственной деятельности потребовались бы десятилетия для того, чтобы сложился мощный слой зажиточных крестьян-предпринимателей... Представления о неизбежности разделения крестьянства на полярные группы под воздействием законов рынка, как показывают результаты моделирования, были лишены реальных оснований»³⁸. О том, что деревне не угрожала реальная капиталистическая дифференциация, писалось уже давно. Известный специалист по аграрным проблемам П. П. Маслов отмечал лишь в степных районах «некоторые явления дифференциации крестьянства. ...Только здесь крестьянское хозяйство принимало частью капиталистический характер... Впрочем, и в степях использовался труд преимущественно рабочих, пришлых с перенаселенного северного чернозема, а не местных крестьян»³⁹.

³⁶ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 63.

³⁷ Чернышев И. Л. Крестьяне об общине накануне 9 марта 1906 г. СПб., 1912. С. 14.

³⁸ Бородкин Л. И., Свищев М. А. Моделирование социальных процессов в среде крестьянства// Перестройка аграрного производства в СССР: проблемы и перспективы, м., 1990. С. 52-53.

³⁹ См.: Бруцкус Б. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы// Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 134.

Страх перед капитализмом можно рассматривать как симптом мании величия. В стране со столь высоким уровнем уравнительности басни об опасности капитализма вряд ли можно рассматривать как нечто большее, чем одну из форм модернизированного мифологического страха перед мировым злом.

КОНСЕРВАЦИЯ АРХАИЧНЫХ ФОРМ ТРУДА

В борьбе за уравнительность постоянно побеждали те, кто продолжал традиции «первобытного земледелия», и гибли те, кто искал новые, более прогрессивные, эффективные формы труда.

Аграрное движение в 1917-1918 годах, которое С. Максудов называет «антистольпинской революцией», громило не только помещиков, но и «стольпинских помещиков», т. е. выделившихся из общины крестьян. Уничтожали оставшуюся технику. Вот отрывок описания разгрома имения депутата Государственной думы Фирсова. «В сарае толпа остановилась перед сеялками и плугами. Каждому хотелось воспользоваться этими ценными для хозяйства вещами, но желающих оказалось так много, что поделить было невозможно... „Бей их, чтобы никому не досталось“, — крикнул кто-то, и в несколько минут плуги, сеялки и паровые молотилки были превращены в щепки»⁴⁰. Это был не случайный инцидент. «В аграрном движении 1905 г. и 1917 г., особенно в разгромах имений... особо тщательно уничтожались машины...»⁴¹. Борьба бедных против богатых скрывала под собой борьбу против прогресса труда, против очагов более совершенных, новых его форм. Давно было известно, что именно той части крестьян, которая владела собственной, а не надельной землей, «принадлежала инициатива в применении сельскохозяйственных улучшений: заведение травосеяния, усиленного удобрения полей, совершенствования породы скота и т. д.»⁴². Уничтожение этого слоя означало подавление точек роста развитых форм труда.

Это разрушение труда, производительных сил четко подмечала русская литература. М. Пришвин писал в 1930 году о так называемых «кулаках», что они не знали счета рабочим часам своего дня. Теперь же «работают все по часам, а без часов, не

⁴⁰ Неуслышанные голоса: Документы смоленского архива/ Сост. Максудов С. Мичиган, 1987. Кн. 1: 1929: Кулаки и партейцы. С. 23.

⁴¹ Дубровский С. М. Очерки русской революции. М., 1923. Вып. 1. С. 209.

⁴² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 319, а также с. 365, 750.

помня живота своего, не за страх, а за совесть, только очень немногие»⁴³. Коллективизация была ударом по очагам более производительных форм труда, по людям, тяготевшим к ним. Годом раньше другой писатель описывал жизнь среднерусского уездного города: «Хозяиничали медленным разорением дореволюционных богатств, головоотяпством и любовно. Маслобойный завод работал — в убыток, лесопильный — в убыток, кожевенный — без убытков, но и без прибылей... Зимой по снегу, сорока пятью лошадьми, половиной уездного населения таскали верст пятьдесят расстояния — новый котел на этот кожевенный завод,— притащили и бросили — за неподходящестью, списав стоимость его в счет прибылей и убытков... Улучшали рабочий быт, жилстроительством; купили двухэтажный деревянный дом, перевезли его на завод и — распилили на дрова»⁴⁴. Объектом раскулачивания были прежде всего те, кто чем-либо значимо отклонялся от идеала уравнительности. «Брали не кулаков, а тех, кого называли дураками — работать любили». Сюда относились кузнецы, псаломщики, фотографы, которые создавали неравенство своим особым умением⁴⁵. Новое общество было последовательно. В любой социальной группе, на любом производстве оно искало носителей зла прежде всего среди реальных и потенциальных субъектов инноваций, более сложных форм труда. Это видно, например, даже при поверхностном анализе списков расстрелянных во время террора, печатаемых в «Вечерней Москве» с конца 1990 года. За период с 1934 по 1941 год численность заключенных с высшим образованием увеличилась в восемь раз, со средним — в пять раз, а удельный вес первых повысился в три раза, вторых — почти в два раза⁴⁶.

Этот натиск на носителей более совершенных форм труда объединил значительную часть трудящихся города и деревни с государством, что открывало путь к их единству и при решении других сложных проблем.

КОЛХОЗ-ОБЩИНА

Часть крестьян не хотела инверсионного превращения соборных институтов в авторитарные, в элемент авторитарной власти, но стремилась сохранить определенную независимость.

⁴³ Пришвин М. М. Мирская чаша. М., 1990. С. 103.

⁴⁴ Пильняк Б. Красное дерево// Дружба народов. 1989. № 1. С. 130.

⁴⁵ Можяев В. Мужик// Правда. 1990. 2 нояб.

⁴⁶ Земское В. Н. Гулаг (Историко-социологический аспект)// Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14-15.

Большинство, постоянно отвергая одну за другой наиболее активные свои части, неуклонно ослабляло себя, открывало путь дезорганизации своих древних институтов. Большинство, слабея, в конечном итоге неизбежно обращалось к авторитарной власти, которая должна «всех равнять». Опираясь на этот процесс, власть не только смогла утвердить авторитаризм, но и, всячески разжигая конфликты внутри крестьянства, используя для этого изощренные, ориентированные на массовое манихейство ценности, сумела включить общину в систему власти, т. е. опереться на авторитарный аспект древней вечевой нравственности.

Овладев при этом условиями орудиями труда, власть получила возможность не только превратить продрозверстку в *повседневную практику*, но и *подчинить воспроизводственную деятельность потребностям общества, как их понимала правящая элита, диктатор-тотем*. Большинство, ставшее на сторону уравнилельной архаики, тем самым вручило власть диктатору, который по их представлениям должен был сохранять эту уравнилельность, т. е. «всех равнять» вопреки противникам такого порядка. В принадлежности к ним мог быть заподозрен каждый, как некогда каждый мог быть заподозрен в колдовстве.

Широко распространено ошибочное мнение, что коллективизация была чистым результатом насилия власти над крестьянами, которые все были против нее. Это мнение в культурологическом смысле является еще одной иллюстрацией старого мифа о тождестве зла и власти, от которой ничего, кроме насилия, бесовщины, дурости, ждаты не приходится. Власть не была в состоянии превратить крестьян в колхозников без опоры на общинные идеалы, без использования страха крестьян перед богачом. В стране, где крестьянство составляло большинство (в 1926 году в деревне проживало 82% населения), единодушное сопротивление коллективизации могло бы в единый миг смести государство с лица земли. Да и вряд ли нашлось бы правительство, которое попыталось совершить такой шаг, не будучи уверенным в значительной поддержке.

Существование массового недовольства крестьян, вплоть до восстаний, доказывает, что крестьянство было против начальства, но не против отца-тотема, который как раз и должен держать начальство в узде. А именно это Сталин умел делать. *Власть, установившаяся в стране в период четвертой версии, возможно, была самой почвенной за советское время*. Второе поколение правящей элиты черпало свои силы из почвы, которая постепенно заполняла собой все институты власти, всю партию, вплоть до ее высших органов, постепенно

избивая старую гвардию, которая в конечном итоге была перебитая как «кулацкая агентура». Иначе говоря, хотя сама власть в результате раскола и выступала как противоположность народа, но это раскрывалось лишь в период упадка господствующего идеала.

Предпосылки коллективизации, даже в той части, которая сводилась к грабительской продразверстке, *вырастали снизу*. И. Бунин в 1918 году где-то в газете прочитал: «Крестьяне говорят: дайте нам коммуну, лишь бы избавьте нас от кадетов...»⁴⁷. Июльский Пленум ЦК 1928 года констатировал, что на местах в связи с нехваткой продовольствия имело место применение чрезвычайных мер и административного произвола — практика «обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности»⁴⁸, что квалифицировалось как «рецидивы продразверстки» и неспособность к применению «гибких форм регулирования торговли со стороны государственных органов» (например, «закрытие базаров»)⁴⁹. Хотя Пленум не одобрял такого рода действия, *стихийный возврат на местах к авторитаризму был налицо*. Возврат к продразверстке, к административному изъятию определялся всей атмосферой того времени. Угроза физическому существованию городов, армии толкала пронизанное манихейскими представлениями общество к крайним действиям. Общество, хозяйство, как они сложились к этому времени, не могли существовать без государства, обеспечивающего принудительную циркуляцию ресурсов. Массовый традиционализм, манихейство создали для этого важные предпосылки. Люди, не избавившиеся от остаточного дискомфортного состояния, увидели в колхозе надежду жить по Правде, возможность возложить на него свои беды и тяготы, нашли в нем внешнюю спасительную силу, которая ограждала бы их от бед.

Социокультурной основой колхоза была старая община с ее обезличенным землепользованием, которая тем самым разрешила свое внутреннее противоречие между уравнительностью и стремлением овладеть результатами прогресса. В 1929 году земельные обществу в полном составе, но без кулаков перешли в колхозы⁵⁰. Другой автор с завидной откровенностью пишет: «Самой характерной стороной эволюции общины (в советский период) на заключительном этапе было использование

⁴⁷ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 87.

⁴⁸ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1932). М., 1933. Ч. 2. С. 477.

⁴⁹ Там же. С. 477.

⁵⁰ Тезисы докладов и сообщений XV сессии Международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. Вып. 2. С. 197.

в практической деятельности социалистическим государством ее позитивных возможностей — особенностей социально-экономических отношений, классового расслоения, общинного коллективизма, социальной психологии крестьянства в интересах развития производительных сил сельского хозяйства и социалистического строительства. Учет позитивных возможностей общины проявился и в законодательном подтверждении и использовании ее прав, что способствовало политической изоляции кулачества, усилению политической активности трудового общинного крестьянства, постепенному переходу его на путь социалистического развития»⁵¹. Существует ряд западных исследований о преемственности общины и колхоза. Наша наука не проявляет должного интереса к этой проблеме. Вдумчивый исследователь И. Клямкин пишет: «Вспомним сцену раскулачивания в „Котловане“ А. Платонова. Вспомним жуткий, ничем не остановимый танец, исполняемый деревней, только что сплавившей по реке в никуда своих бывших односельчан. Жуткий, потому что мы знаем и то, что было потом. Пляска на собственных похоронах! Но это было... Большинство крестьян примирилось с коллективизацией, потому что безлошадные бедняки (свыше трети населения деревни) видели в „кулаке“ своего врага, а середняки в массе своей не успели „обуржуазиться“, не были готовы к конкретной борьбе на рынке, боялись его разоряющей стихии еще с дореволюционных времен. Потому что едва-едва вышли, а точнее — выходили только из патриархального и мелкотоварного хозяйствования. Потому что идея коллективизации чем-то напоминала хорошо знакомую и близкую общинную коллективность... Если крестьянин примирился с коллективизацией, если благословил удаление из деревни наиболее зажиточной и приспособленной к свободному рынку, хозяйству, наиболее „буржуазной“ части населения, значит, он, крестьянин, в массе своей был добуржуазным»⁵².

Природа общины и природа колхоза тождественны. Для общины прежде всего характерна «принудительность» всей структуры образа жизни, а также всего производственного цикла, «обязанность во всем беспрекословно подчиняться решению большинства», что «превращает общинника в безответственного раба „мира“». «При малейшем отчуждении от заведенного порядка „мир“ кричит на них: „не смей, жди“». Мир контролирует каждый шаг «хозяина», домохозяин «не может делать с землей то, что хочет», а должен слушать, «что гово-

⁵¹ Осокина В. Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920-1933. М., 1978. С. 14.

⁵² Позиция: Литературная полемика. М., 1988. С. 363.

рит мир». «Все это делает для активных членов жизнь в общине сплошным мучением и истязанием». «Община убивает хозяйственную энергию». Общинник скорее арендатор, чем хозяин. «Наша деревня сохраняет тот тип и то устройство, какие были 300 лет тому назад»⁵³.

Каким же образом крестьянство в своей борьбе за уравнительность не остановилось на пути к собственной гибели? Крестьянство не было единым субъектом. Община не ценила личность и могла жертвовать ею, если казалось, что это помогало выжить целому. «Кулаков» подчас выбирали на миру по аналогии со старостой. Выбор обычно падал на бездетных, бобылей, «чтобы не пострадали детишки» (Ек. Олицкая). Аналогичный случай описан в первом глобальном периоде. «Убивца», выдачи которого требовала полиция, выбирали, так как на территории общины было найдено тело убитого.

Крестьянство, согласившееся на колхоз, видело в нем нечто иное, чем предполагало государство. Аналогичная ситуация была и при реформе 1861 года. Для тех крестьян, кто хотел вступить в колхоз, он был модифицированным, основанным на технике древним миром, где нет начальства и мироедов. Для власти же колхоз был в известном смысле чем-то прямо противоположным, т. е. попыткой организованного включения в медиатор основной массы населения, низшим звеном жесткой административной системы. Возможность такого разночтения коренится в явлении, которое можно назвать инверсионной ловушкой. Суть ее в том, что люди могут бороться за свой давно сложившийся нравственный идеал (например, за уравнительность) в условиях, существенно изменившихся по сравнению с существовавшими, когда этот идеал складывался. Результаты этой борьбы могут столь же отличаться от ожидаемых, как отличен древний мир с господством уравнительности от современного сложного общества, как сельская община отличается от большого общества, как традиционализм отличается от утилитаризма. Инверсионная ловушка приводит к социокультурному противоречию, когда древние культурные принципы сталкиваются с неадекватными им типами социальных отношений. Поэтому, борясь за уравнительную общину, вооруженную техникой, крестьянство попало в авторитарную казарму-общину, подчиненную тотему-диктатору. Если в сельском мире крестьянин сам был частицей соборного субъекта некоторого ограниченного круга людей, которых он знал в лицо, то теперь он стал атомом бесконечного субъекта, в котором он

⁵³ Чернышев И. Л. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. С. 46, 22, 41. 42. 53.

мог функционировать как бесконечно малый объект манипулирования. Сбылась старая мечта об обществе-общине.

Для понимания природы колхоза следует прежде всего обратить внимание на поразительную способность всех соборных институтов одновременно подчиняться высшей авторитарной власти, что, по сути, и является возвратом к синкретическим вечевым идеалам и институтам. В этой связи следует вспомнить, что община не в первый раз попадает под авторитарное управление. Например, «феодализм не привел к разложению сельской общины, он только изменил ее характер, и из свободной, какой она была вначале, община сделалась крепостной. Крестьянин сохранил пользование своей землей, он остался общинником, каким он был в предшествующую эпоху; совершенно изменилось только его личное положение, и его общинные права должны были подчиниться требованиям службы и платежей, которые возложил на него его сеньор»⁵⁴.

КОЛХОЗ И АВТОРИТАРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Колхозы подхватили старую традицию вмешательства в хозяйственную жизнь крестьянина не только общины, но и государства. «Крестьянский „мир" не был свободен даже в решении узкохозяйственных вопросов. ...Окружные начальники и их деревенские агенты не ограничивались надзором за ведением крестьянского хлебопашества и скотоводства, который был установлен законами 1838-1841 годов; они назойливо вмешивались в хозяйственную жизнь деревни, предписывая крестьянам держаться тех или иных цен на хлеб... оказывая влияние на частные сделки... отправляя на принудительные работы»⁵⁵. А. Энгельгардт писал в 1880 году: «Бац! — *обязательное постановление: сеять рожь не ранее 15 августа*. И вот земледельцы нескольких губерний должны, *обязаны* сеять озимь в известный срок по назначению начальников»⁵⁶. Эта традиция прослеживается в далекой истории, когда, как доносил приказчик вотчиннику, «да указал ты, государь, чтоб крестьянам не велеть никакой животины продавать; и они, г., животины продают с голоду...»⁵⁷; когда крестьянам навязывались гуси, утки, куры и т. д., с тем чтобы взыскать затем с них птицу с при-

⁵⁴ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939. С. 171.

⁵⁵ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 127.

⁵⁶ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 455.

⁵⁷ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.; Л., 1929. С. 176.

плодом. Приказчик докладывал, что птицы «померли... к Москве, к тебе, государь, послать нечего»⁵⁸. Еще по указу 14 февраля 1761 года вводились обязательные хлебные запасы. В 1799 году был издан указ об обязательных сельских запасных магазинах, что приводило к отобранию части урожая у крестьян, к специальным общественным запашкам хлеба⁵⁹.

Коллективизация — повторение этого вторжения внешних сил в крестьянские сообщества, но в значительно более тяжелых условиях, осложненных расколом, массовым избеганием «врагов» уравнительности, ростом различного рода потребностей, стимулирующих попытки модернизации. Впрочем, речь идет не только о вмешательстве, но и о существовании исторически сложившихся форм, однотипных колхозам, задолго до нашего времени.

В Древнем Египте, в Шумере, Ангкорской и Инкской империях существовали похожие на колхозы типы сообществ. Например, в Древнем Египте «государство изымало и перераспределяло не только прибавочный, но и необходимый продукт вплоть до посевного фонда! Посевное зерно, так же как и скот, древнеегипетские „колхозники“ получали из казны. Урожай целиком поступал на государственные токи и гумна и лишь впоследствии подлежал „распределению“, в результате которого государство забирало себе 30% урожая...»⁶⁰. Соотнесение колхозов с опытом мировой истории, а не только со сталинским тоталитаризмом, является для нашей научной общест­венности необычным. По сути, этот подход должен стать тривиальным.

Однако совсем не обязательно искать зарубежные примеры прототипов наших колхозов. Они были и в России. Это прежде всего знаменитая «месячина» — система, когда крепостные полностью, каждый день работали на помещика, получая от него определенное содержание. Существует целый пласт различных крепостных форм, возникавших в России, которые П. Б. Струве называл *крепостным социализмом*. В их основе лежала «глубокая реальная связь... между крепостным правом или, точнее, строем, и крестьянским миром»⁶¹. Особенно яркий пример описан помещиком, который соединил вместе свою

⁵⁸ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. С. 116.

⁵⁹ Игнатович. И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 11, 21.

⁶⁰ Стариков Е. Н. Как и под сенью древних пирамид, или О радателях колхозного строя с незапамятных времен и до наших дней// Социум. 1991. № 3. С. 22.

⁶¹ Струве П. Б. Попытка артельной организации крепостного хозяйства крепостных крестьян// Начало. СПб., 1899. № 1-2. С. 307, 316.

землю и землю крестьян, создал своеобразные бригады (сохи, или дружины), работавшие под административным управлением помещика. К моменту публикации этот опыт продолжался уже пятнадцать лет⁶². Без анализа этих попыток организации коллективных хозяйств в прошлом невозможно понять глубокие корни коллективизации. Однако, кажется, после Струве никто у нас не ставил этой проблемы. Струве писал, что «артель и мир оказывались почти всегда явно несостоятельными, когда им приходилось защищать слабых против сильных... Эти формы не только уживались с сильнейшим гнетом, но и развивались в связи с ним и в зависимости от него»⁶³. Колхозы, возникшие на костях «сильных», подтвердили эту мысль. Теперь место «сильных» заступило государство.

ОТКУДА БРАТЬ РЕСУРСЫ ДЛЯ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ?

Россия исторически сложилась как бедная страна, бедная не своими природными ресурсами, но бедная из-за неспособности превращать их в реальное богатство, которое можно использовать на удовлетворение реальных потребностей. Низкий объем прибавочного продукта, низкая производительность земледелия, связанная с плохими почвами, неблагоприятным климатом, коротким летним периодом, входили в противоречие со всей концепцией нового общества, которое пыталось воплотить в жизнь некий синтез западноевропейских утопий, с одной стороны, с крестьянскими утопиями и, с другой — с уравнительными стремлениями, сметающими новые формы труда. Нужно было искать ресурсы.

Еще в самом начале XX века, когда Россия вступила на путь индустриализации, возрастающим по важности источником ресурсов, технических идей, технологии, прямого финансирования стал Запад. Он создал целые отрасли промышленности в России в новое время. Мировая война велась также за счет значительных иностранных кредитов. Гражданская война велась в основном за счет ресурсов, накопленных до войны. После 1917 года важным ресурсом было имущество состоятельных классов. Теперь, однако, положение ухудшилось. С

⁶² Стремоухов Н. Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человеческой и на древних Российских обычаях// Земледельческий журнал. М., 1829. Т. XXV; *Он же*. Продолжение мыслей об общественном хозяйстве и о составлении хозяйственных товариществ// Там же. Т. XXVI.

⁶³ Струве П. Б. Попытка артельной организации... С. 318.

одной стороны, росли потребности, но с другой — истощались, исчезали старые источники ресурсов, не говоря уже о массовом подавлении более производительных форм труда.

Выход был найден. Крестьяне были превращены в объект постоянной экспроприации. Это было продолжением идущей с прошлого века бесконечной цепи экспроприаций богатых соседей, которые проводила сама деревня. В деревне имел место постоянный тренаж экспроприации, постоянная борьба за уравнительную справедливость. Люди, способные к такого рода деятельности, были в избытке в самой деревне. Кроме того, крестьянство традиционно было источником, поддерживающим своими силами государственные доходы. Выкачивание средств из деревни было старой традицией. «В доброй половине России главная часть населения, земледельческая, платила в казну больше, чем сама получала от своего главного занятия — земледелия; таким образом, излишек, необходимый для казны, этой части населения приходилось зарабатывать на стороне посторонними занятиями»⁶⁴. Эта ситуация подтверждается и другими исследователями. «Через 15 лет после освобождения крестьянин платил казне самое меньшее на 20% больше дохода своей земли, а очень часто в два и даже в три почти раза больше (до 27 %)»⁶⁵. По расчетам С. Н. Прокоповича, крестьяне при доходах на душу населения в 33,6 руб. имели расходы 48,84 руб.⁶⁶ Следовательно, крестьянство не имело резервов, которые можно было бы безболезненно изъять. Важно также отметить, что забранный еще до 1917 года хлеб власть превращала в валюту. За 14 предвоенных лет от экспорта хлеба было получено 7,3 млрд. руб.⁶⁷, хотя его производство на душу населения было значительно меньше, чем в США (в 2 раза), Аргентине (в 2,5 раза), Канаде (почти в 3 раза)⁶⁸.

Крестьянство при господстве сталинизма находилось в условиях реализованного идеала крайнего авторитаризма. Это открывало для власти соблазнительную возможность получать те деньги, которые крестьяне раньше выплачивали помещикам за выкуп надельной земли, за ее покупку и аренду. За «период капитализма» было выплачено более 10 млрд. руб. Однако эти деньги тратились непроизводительно. «Заслуживает специального изучения вопрос о том, в какой мере извлеченные у кре-

⁶⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. С. 145.

⁶⁵ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 84.

⁶⁶ См.: Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. 1. С. 94.

⁶⁷ Ляценко П. И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. С. 311.

⁶⁸ Ляценко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. 2. С. 260.

стьян ресурсы в конечном счете оказались использованными для индустриального развития»⁶⁹. Здесь таилась большой соблазн изымать эти освободившиеся в результате избиения помещиков средства, но уже для индустриализации, для реализации мифов нового общества.

В этой связи представляют большой интерес исследования изменений хозяйственного положения крестьянства, в частности, социальных и экономических последствий сокращения отходничества после 1917 года, его влияния на фискальные ресурсы государства, на усиление его давления на крестьян. Представляется недостаточным анализ производственных возможностей крестьянства, в частности, в связи с существованием точки зрения, что для финансирования индустриализации было достаточно обеспечить с 1928 по 1940 год 2% ежегодного прироста зерна⁷⁰. Для сравнения можно указать, что урожайность зерна с 1801 по 1914 год повышалась на 0,5% в год⁷¹. Возможность достижения этих 2% прироста весьма проблематична с учетом того, что достижения сельского хозяйства до первой мировой войны в России определялись в значительной степени ростом занятых в сельском хозяйстве. Это не решало проблемы, не говоря уже о том, что на этот ресурс нельзя было рассчитывать в результате мировой войны и глубоких социальных сдвигов. Победа дорыночных сил не создавала условий для увеличения товарного хлеба. Лютая массовая ненависть к частному капиталу, к собственнику, к отрубникам также не создавала для этого никаких предпосылок.

Высшее руководство в критической ситуации пошло по пути, подсказанному опытом славного революционного прошлого. Сталин несколько раз в 1928 году говорил о том, что крестьянство разбогатело. Дзержинский в 1926 году исчислял рост накопления в деревне в 4 руб. на человека. В речи на июльском Пленуме 1926 года с полной откровенностью он говорил, что крестьянство «платит государству не только обычные налоги, прямые или косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых; и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подь-

⁶⁹ Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность)// Вопросы истории. 1991. № 2. С. 56.

⁷⁰ См: Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 86.

⁷¹ Чаянов А. В. Проблема урожая и опыт ее разрешения в развитии русской научной мысли// Проблемы урожая. М., 1926. С. 35.

ема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде „дани“, нечто вроде сверхналога»⁷². Разумеется, такая политика не могла долго продолжаться, так как крестьяне, как свидетельствовал опыт прошлого, в аналогичной ситуации не только сокращали производство, но и отказывались от реализации уже имеющихся продуктов. Отсюда выход — передача чиновнику решения вопроса о производстве и реализации, т. е. коллективизация.

Однако это был не только возврат к дореформенной эпохе 1861 года. Теперь была сломана иерархия прошлого глобального периода, включающая систему защиты от высшей власти, в частности, власть помещика, связанного с общиной, с крестьянами патриархальными отношениями. Теперь авторитарная власть в лице чиновников всех рангов дошла до каждого человека. Теперь не требовалось, как во времена примитивного военного коммунизма, шарить под полом каждой избы, теперь все прямо и непосредственно принадлежало колхозу, синкретически тождественному государству. И не государство от крестьян, а крестьяне от государства должны были получать хлеб. Заготовки непрерывно росли. Деньги, которые за них выплачивали, носили символический характер. В 1932 году крестьяне сдали четверть урожая, в 1933-1934 годах — более трети, в 1935 — почти 40 %⁷³. В январе 1933 года были установлены цены на сданное государству зерно и большую часть других сельскохозяйственных продуктов в 10-12 раз ниже рыночных⁷⁴. Экспроприация стала повседневною.

Среди крестьян начался голод (1931-1933 годы). По одним данным, от голода умерло 5-6 млн. человек, по другим — около 9 млн. (проф. С. Н. Прокопович). Науке известен лишь один случай еще более страшного голода (Китай, 1877-1878 годы)⁷⁵. Но зато гигантски вырос вывоз хлеба за границу. Если раньше голод ставил под угрозу существование городов, то теперь гибла деревня.

Правящая элита добилась посредством коллективизации исключительного успеха. Власть превратила колхозы в звено медиатора. Открылась возможность повседневного и неограниченного вмешательства в дела модернизированной общины.

Превратившись в колхоз, вечевая община, пройдя длительный путь борьбы за уравнительность, пришла к согласию на авторитарную власть чиновника. Крайнему авторитаризму

⁷² Дзержинский Ф. Э. Избр. произведения. М., 1967. С. 385.

⁷³ Каряков М. Живая история 1917-1975. 1977.

⁷⁴ Данилов В. П., Телцов Н. В. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сент.

⁷⁵ Конквест Р. Большой террор. Т. 1. С. 38-39.

удалось то, что не удавалось еще никому в истории страны — приставить к общине такой насос, который мог высосать буквально все. Правящая элита нашла источник социальной энергии, ресурсов, которые позволили идти по пути дальнейшего нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей, одновременно как будто ликвидируя столь беспокоившую Ленина «двойственность» крестьянина.

САМООТРИЦАНИЕ УРАВНИТЕЛЬНОСТИ

Крестьянство, оказавшееся в большом обществе, было ни культурно, ни организационно не подготовлено к нему. Последовательный разгром одной группы меньшинства за другой привел не только к тому, что община амбивалентно перешла к авторитаризму, но и к тому, что она деградировала, подчинив свою внутреннюю жизнь чиновнику. Крестьяне не имели форм политической организации, способной объединить их мощные силы на основе реальной альтернативы политике медиатора. Крестьянство в борьбе за уравнительность одерживало одну победу за другой и перешло через приемлемую для собственного существования меру, за которой уже лежала деградация и распад. Крестьянство попало в инверсионную ловушку. Оно вошло со старыми архаичными ценностями и представлениями о мире в большое общество, где необходима была новая культура, новые цели. Это имело для крестьянства, для общества, где они составляли большинство, разрушительные последствия.

Ослабленное многолетней борьбой за уравнительность, крестьянство пыталось ответить на экспроприаторские устремления государства бунтами. Осенью 1929 года были вспышки массовых возмущений в связи с «чрезвычайными мерами» на хлебозаготовках. Они распространились на всю страну, включая Центральную Россию, Урал, Сибирь. Советские танки впервые вступили в бой во время подавления этих восстаний. В 1930 году крестьянские волнения охватили Украину, Северный Кавказ, Воронежскую область, Западную Сибирь. Одним из последствий этих событий было усиление в стране атмосферы всеобщего ожесточения. В городах волнения воспринимались как попытки буржуазных оборотней повернуть к капитализму. Люди, поднявшие восстание, часто испытывали сильное колебание, переходя от поддержки колхоза к его разрушению, чтобы затем вновь вернуться к его поддержке. Среди восставших были люди, которые отвергали советскую систему. Но в целом крестьяне, даже восставшие против новой власти, никогда добровольно не участвовали в белом движении, оставаясь тем самым на уравнительной нравствен-

ной основе. А последствия этого были очевидны. Множество основанных на уравнительности общин нуждалось в отце, который бы всех равнял, т. е. в конечном итоге требовало авторитаризма. Поэтому неизбежно утверждалась система, в основе повторявшая прошлую, про которую Г. Плеханов говорил еще в 1889 году, что «наша сельская община» составляла «главную опору нашего абсолютизма»⁷⁶. (И это несмотря на то, что Плеханов исходил из марксистского тезиса о разложении общины и из того, что община делается «в руках сельской буржуазии орудием для эксплуатации большинства земледельческого населения»⁷⁷.) Следует добавить, что община — всего лишь одна из форм древних синкретических сообществ, и, следовательно, абсолютизм опирался не собственно на общину, а на синкретическую воспроизводственную социокультурную основу древних сообществ.

Главный трагический результат коллективизации, после гибели миллионов людей, — не катастрофический удар, нанесенный сельскому хозяйству, превышающий ущерб от последующей второй мировой войны, но *прежде всего кристаллизация архаичных форм труда*, что стало мощным препятствием на пути прогрессивных инноваций. Предполагалось, однако, что колхоз можно будет соединить с современной техникой и тем самым добиться невиданного эффекта. Колхозы, как и совхозы, можно рассматривать как попытку соединить общинную форму жизни с современной техникой. Это можно было трактовать и как попытку поднять архаичные структуры до уровня современной науки и техники, и как попытку вооружить архаичные структуры современной наукой и техникой. Решение оказалось вполне в духе псевдосинкретизма, постоянно отождествляющего противоположные полюса расколотого общества. Система оказалась консервативной и хозяйственно неэффективной, никак не склонной к экономическим методам. Вооруженный современной техникой традиционализм породил «могущество за счет развития»⁷⁸. Современная техника, которая стала внедряться в систему архаичных отношений и субкультур, не нашла там работника, способного положить в основу ее эксплуатации критерий максимальной эффективности, что предreshало неизбежное банкротство всего комплекса аграрного сектора. Именно в таких ситуациях с наибольшей остротой ощущаются результаты ликвидации духовной элиты, которая, несомненно, раскрыла бы всю гибельность этого пути.

⁷⁶ Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Л., 1923. Т. 4. С. 53.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Гейфтер М. Я. В предчувствии прошлого // Век XX и мир. 1990. № 9. С. 30.

ПСЕВДОЭКОНОМИКА

Критики сталинизма, как кажется, сравнительно более снисходительны к индустриализации, чем к коллективизации. Индустриализация, по мнению многих, спасла общество от врагов, открыла путь к прогрессу и т. д. Между тем *индустриализация и коллективизация — две стороны одной медали, одного процесса*. И судить их следует одним судом. Причина коллективизации глубже, чем превращение продразверстки в постоянно действующую систему. Коллективизация открыла путь попыткам общества сохранить господство натурального хозяйства посредством постоянно углубляющегося нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей. Коллективизация и индустриализация во всем обществе далеко зашедшей уравнительности и натуральных отношений в хозяйстве породили неслыханную в истории попытку посредством перманентной экспроприации двинуть вперед техническую цивилизацию, матрицируя технические идеи, образцы, приглашая специалистов «гниющего» Запада. Началось неслыханное насильственное неконтролируемое изъятие ресурсов из сельского хозяйства для осуществления грандиозных планов индустриализации, что должно было создать материальные предпосылки для победы над кривдой в космическом масштабе.

Действительно ли индустриализация создала предпосылки для могущества страны, для царства изобилия? Средства, изъятые из сельского хозяйства, предполагалось использовать для индустриализации, начатой еще в прошлом глобальном периоде. Индустриализация преследовала чисто материальные цели, производство определенного набора товаров. Набор этих товаров определялся не рынком, не спросом, но манихейской предпосылкой, верой в неизбежность столкновения с мировым злом, империализмом, который по своей природе из зависти и корысти на нас обязательно нападет. В качестве второй причины выдвигалась необходимость производства благ для народа, который поддерживал власть в надежде на Царство Божье на земле. Впрочем, до принципиального решения второй задачи дело не доходило, так как и без этого проедались все ресурсы, как человеческие, так и естественные. Индустриализация, следовательно, как и коллективизация, являлась формой развития хозяйства на доэкономической натуральной основе, что органически вытекало из победы крайней уравнилельной идеологии в условиях отсутствия рынка. Это развитие шло через постоянно углубляющееся нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей, что привело к форсированному развитию псевдоэкономики, кото-

рая в результате коллективизации и индустриализации приобрела господствующий характер в хозяйстве. Остатки экономики были уничтожены, оттеснены в сферу базара, теневой экономики.

Система псевдоэкономики развивалась на вне- и доэкономической основе сложного, многоотраслевого расколотого хозяйства, зависимого от синкретического государства. *Псевдоэкономика возникает на основе попыток сочетать господство натуральных отношений в хозяйстве с одновременным стремлением к модернизации.* Эта система возможна лишь на базе господства архаичной государственной собственности на условия и средства хозяйственной деятельности, что создает основу для принудительного перекачивания ресурсов из одной отрасли в другую (например, от крестьян на строительство ритуальных сооружений). Подобная практика открывала возможность получения ресурсов для модернизации. Этот порядок может функционировать лишь в особых условиях, прежде всего при массовом согласии на передачу государству, чиновникам заботы о людях, функций, которые в экономической системе принадлежат самой личности, при массовом отказе от частной инициативы и согласии на господство тотема в повседневной хозяйственной деятельности. Псевдоэкономика была возможна, лишь если крестьянство не обладало способностью превращать свои специфические интересы в политическое движение, при условии преобладания в массовом сознании стремления к архаичной статичной государственности. Политика индустриализации означала прежде всего превращение крестьянства, не склонного формулировать и защищать определенную государственную политику, в средство получения ресурсов, в чистое средство, лишенное самоценности. (Именно эту особенность крестьянства — основу постигшей его катастрофы в большом обществе — славянофилы в свое время возводили в его достоинство.)

Одним из важнейших последствий патологической перекачки ресурсов было *резкое изменение структуры национального дохода.* Это можно признать *узловым пунктом развития псевдоэкономики.* В 1908 году общий фонд заработной платы в промышленности по отношению к создаваемому национальному доходу составил 54,8%, в 1928 году — 58,1%, в 1950 году он снизился до 33,4%. Во всех странах, где велся соответствующий статистический учет, этот показатель был не менее 60—80%⁷⁹. Но это означает углубление одного из важнейших признаков псевдоэкономики как хозяйства высокой

⁷⁹ Зайченко А. С. США — СССР: личное потребление (некоторые сопоставления) // США: экономика, политика, идеология. 1988. № 12. С. 13.

сложности, развиваемого на принудительной доэкономической основе. *Удельный вес личных доходов граждан в национальном доходе оказался ниже некоторого критического уровня, который позволил бы им через цены служить реальным субъектом товарно-денежных отношений. «Человеческий фактор» вытеснялся из хозяйства. Оно все больше превращалось в некоторый элемент гигантского обмена натуральных вещей по искусственным правилам.* Рабочие, как и крестьяне, не обладали средствами для давления на собственника, для изменения форм собственности с тем, чтобы заставить хозяйство быть более эффективным, и с тем, чтобы получать большую долю национального дохода. Но тем самым они лишали себя возможности быть регулятором рынка, обеспечивать реальную связь промышленности и сельского хозяйства, реальную возможность «смычки», оставляя все на откуп авторитарному архаичному принудительному механизму. Эта система несла в себе по крайней мере две мины: отсутствовал механизм, сдерживающий рост издержек, что истощало общество, порождало дистрофию, парализовало возможность реального повышения эффективности; цели, которые диктовались производству, ускользали из-под контроля общества и отдавались на откуп узкой группе, подчас на произвол одного лица, что открывало новые возможности для углубления и расширения раскола.

В этой системе цены играли роль, имеющую мало общего с той, что им обычно приписывалась от имени науки. Они, с точки зрения экономической эффективности использования ресурсов, носили случайный характер, но играли важнейшую роль как средство перекачки ресурсов между отраслями, между высшей властью, мирами среднего уровня (ведомствами, регионами), а также локальными мирами (например, предприятиями). Массовый потребитель с его стихийной сменной потребностей, не укладывающихся в «научно обоснованные нормативы», представляет собой дезорганизирующий для этой системы элемент.

Расширение масштабов псевдоэкономики приводило и к изменению социальной структуры общества. Люди бросали разоряемое сельское хозяйство и уходили в другие отрасли, куда перетекали ресурсы. Новая хозяйственная система, медленно подтачивая свои основания, однако, парадоксальным образом прикрепляла к себе все возрастающее количество людей. Люди, приспособившись к системе псевдо, тем самым защищали ее от всяких попыток изменения, не давали обществу повернуть на путь реального экономического развития. Новая патологическая хозяйственная система нашла свою завершающую форму.

Эта социальная патология создала основу для идеологически извращенных продуктов культуры, для низведения науки до уровня архаичных мифов, до уровня массового сознания. Например, процесс натурализации в экономической науке рассматривался как закономерный, необходимо связанный с построением социализма. В социализме видели особую высшую форму безденежного натурального хозяйства. Денежные отношения отрицались, о прибыли «не может быть речи»⁸⁰. Ведущие теоретики Л. Леонтьев, Ш. Турецкий утверждали правомерность тенденции натурализации: «Окончательное исчезновение категории цены, денег, рынка... означает организацию социалистического продуктообмена»⁸¹.

Новая невиданная система хозяйства наступала, неотвратимо и активно воздействовала на все сферы социальных отношений, идеологии.

КРАЙНИЙ АВТОРИТАРИЗМ ПОДАВЛЯЕТ ХАОС

Крайний авторитаризм распространялся, как лесной пожар, охватывая все общество. Это само по себе свидетельствовало о *всеобщей готовности его принять, об отсутствии в толще общества представлений о возможности остановить это смертоносное движение исторической инерции*. Победа машинной версии утилитаризма привела к всеобщему распространению крепостничества. Оно охватило не только правящую элиту и крестьян, но и все общество. Крепостничество в городах распространялось в виде *повсеместного введения принудительного труда* в более широких масштабах и более последовательно, чем это имело место в условиях господства умеренного авторитаризма.

VIII съезд профсоюзов в 1928 и XVI съезд партии в 1930 году ознаменовали новый этап превращения трудящегося в компонент, придаток производства. Он отдавался во власть начальства. Основная задача профсоюзов определена была как «организация, дальнейшее развертывание и закрепление социалистического соревнования и ударничества». С 1928 года существует плановое распределение молодых специалистов, которые *обязывались в течение трех лет работать в соответствии с указаниями плановых органов*. В 1930 году народный комиссариат труда получил право «перевода квалифицированных

⁸⁰ Липидус И., Островитянов К. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.; Л., 1928. С. 170.

⁸¹ См.: Гатовский Л. М. О природе меновых связей на новом этапе// На новом этапе социалистического строительства. М., 1930. Т. 2. С. 52.

рабочих и специалистов в другие отрасли народного хозяйства или в другие местности». В 1930 году была введена уголовная ответственность за так называемое «злостное нарушение трудовой дисциплины». Администрации было дано неограниченное право перевода работников на другую работу. В 1932 году был издан указ, в соответствии с которым за день неявки на работу без уважительных причин трудящийся увольнялся, лишался права на продовольственную карточку и ведомственную жилую площадь.

Решающим рубежом политики закрепощения можно считать постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». В нем было сказано, что целью постановления является «лучший учет населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов». Отныне без разрешения начальства, без прописки никто не имел права переменить место работы или жительства. Содержание Положения о паспортах было засекречено, известно лишь в объеме извлечений, приведенных в паспорте. Без паспорта человек был чистым ничто, иллюзией.

Государство, от которого человек получает паспорт, выступает как истинная сущность личности, а получение паспорта — как признание государством существования личности. Закрепощение приняло две формы. Одна, более гибкая, распространялась на лиц, обладающих паспортами, и давала некоторую свободу действий в рамках паспортного режима и действующего законодательства. Владелец паспорта мог по существующим правилам обменять квартиру или сменить работу с согласия начальства. Другая форма, охватившая колхозников, заключалась в том, что им паспорта вообще не выдавались. Это ставило человека в положение жестко прикрепленного к земле, к данному хозяйству. Эта масса населения лишена была права перемещения без соответствующей справки, выданной местными органами. Каждый был закрепощен за своим колхозом-общиной. Люди, в особенности заключенные, рассматривались как рабочая сила, как груз на транспорте и т. д. Провозглашенный в свое время интеллигенцией идеал творческого подъема обернулся рабским, подневольным, губительным трудом. Хотя нельзя утверждать, что хозяйственные потребности целиком определяли количество заключен-

ных в стране, все же такая зависимость существовала: «Не число реальных „преступников" (или даже „сомнительных лиц") определило деятельность судов, но — заявки хозяйственных управлений», — писал Солженицын⁸². Идея Ленина об «очистке земли российской от всяких вредных насекомых»⁸³ (от людей-насекомых!) приобретала зловещее воплощение.

В постановлении от 28 декабря 1938 года правящая элита вступила в бой с хаосом на производстве. В нем говорилось о людях, которые своей «недобросовестной работой, прогулами, опозданиями на работу, бесцельным хождением по предприятию в рабочее время и другими нарушениями правил внутреннего трудового распорядка и также частыми самовольными переходами с одних предприятий на другие разлагают дисциплину труда, наносят большой ущерб промышленности, транспорту и всему народному хозяйству... Они не работают полностью даже установленных часов рабочего дня, нередко работают всего только четыре или пять часов, растрачивая остальные два-три часа рабочего времени впустую... Когда летунов и лодырей выгоняют, они пытаются сутяжничать и, не работая, добиваются оплаты за якобы вынужденный прогул... Некоторые профсоюзные, хозяйственные, а также судебные органы проявляют недопустимое попустительство к нарушителям трудовой дисциплины и даже потакают им вопреки интересам народа и государства, решая зачастую вопросы о восстановлении на работе, о выплате пособия по временной нетрудоспособности, о выселении заводских квартир и т. д. в пользу летунов или прогульщиков. Большие злоупотребления имеют место также в практике использования отпусков по беременности и родам...»

Правящая элита видела выход в дальнейшем закреплении, в усилении внешнего давления на людей. Другие методы, связанные со стимулированием внутренней ответственности, исчезли из реальной политики. Вершиной процесса закрепощения был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, который в ответ «на просьбу профсоюзов», без всякой иной мотивировки, удлинял рабочий день на час и вводил семидневную рабочую неделю. Вместе с тем отменялось увольнение как мера борьбы с прогулами, заменяясь уголовной ответственностью. Запрещался самовольный уход и перемена места работы. Руководители, не подавшие на прогульщиков в суд, сами подлежали уголовной ответственности. Одновременно было издано постановление правительства «О повышении норм выработки и снижении расценок». В том же

⁸² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 3. М., 1990. Т. 2. С. 385.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 204.

году был издан указ «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие». Старая практика продажи крепостных «без земли» вновь была восстановлена. Теперь, однако, она распространялась и на образованную часть городского населения. Дальнейший процесс закрепощения связан с ужесточением уголовного законодательства в отношении опоздавших на работу, нарушающих паспортный режим и т. д., что обеспечивало «Архипелаг ГУЛАГ» бесперебойным пополнением. Вторая мировая война усилила процесс дальнейшего закрепощения.

Впервые в истории российской государственности было как будто ликвидировано двоевластие, локальные миры, противостоящие медиатору. Ни Петр I, ни Ленин не могли решить эту задачу. Впервые возникла организация власти, где до самого низа сидели чиновники, чья жизнь, а не только благосостояние зависели от верности системе ценностей центральной власти. Все было подчинено идее авторитарного порядка. Авторитарная версия псевдосинкретизма получила организационное воплощение в относительно короткие сроки. Сумбурная конфликтующая многоголосица ленинских времен сменилась простой стройной системой, где все просматривалось, прослушивалось. Теперь можно было повторить за Петром I: «Не все ль неволею сделано?»

ЗАГАДКА ТЕРРОРА

Система такого рода требовала повседневного террора. Он возник раньше, но теперь достиг высшего совершенства. Каковы же причины этого неслыханного по масштабам явления?

Победа нового строя означала для его сторонников, что Правда содержит в себе необходимость собственного самутверждения. Ленин в 1918 году считал, что «если теперь найдутся в России десятки людей, которые борются против Советской власти, то таких чудаков немного, а через несколько недель не будет и совсем»⁸⁴. Очевидно, что Ленин верил в возможность избежать серьезных столкновений и тем более террора. В первое время суды выносили мягкие приговоры и даже отпускали людей, опасных для режима. На первых порах большевикам казалось, что рано или поздно люди поймут, где Правда. Однако эти ожидания оказались тщетны. Реакция на отказ от Правды носила инверсионный характер. Крестьянин прошлого века А. Петров говорил, что помещика, вступившего

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 307.

на крестьянскую землю, следует сначала гнать «добрым словом». И лишь если он не послушает, «сечь ему голову». Никакого промежуточного варианта инверсионное сознание не предусматривало. Нежелание людей прислушаться к «доброму слову» неизбежно расширяло круг тех, которым следовало бы «сечь голову». Иначе говоря, в соответствии с этим *принципом Антона Петрова* террор был неизбежен как инверсионный ответ на дискомфортное состояние, появившееся в результате неспособности Правды самоутвердиться. На эту ситуацию манихейское сознание отвечает экстремистским избиванием врага. Человек синкретически сливается с Правдой и утверждает ее через себя, себя через нее, избивая кривду. Существование такого сознания является условием террора, направленного на некоторую модификацию образа врага.

Причины великого террора лежат глубоко в истории страны, в специфической реакции расколотой культуры на труднейшие, непосильные для этой культуры задачи. Чтобы понять причину стремления власти к террору, можно было бы указать на исторические прецеденты. Например, массовый террор, своеобразная тактика выжженной земли применялись ассирийскими правителями еще во II тысячелетии до н. э. В IX веке до н. э. ассирийские цари использовали эту тактику при покорении соседних царств и племен⁸⁵. В этой жестокости не было необходимости с военной точки зрения. Ассирийское государство стремилось включить покоренные племена в государственную жизнь, заставить их внутренне согласиться с навязанным государством, с самим принципом государственности, приучить их к государственной дисциплине сословного общества. Для этого применялись методы истребления местного населения, которые, однако, в следующем веке были заменены переселением этносов в другие места, чтобы оторвать их от родных мест и сделать более податливыми. В результате было создано огромное государство, охватившее пространство от Египта до Западного Ирана.

Эта отдаленная историческая аналогия показывает, что государственность может для ослабления догосударственных слов применять средства *массового истребления населения, направленные не столько против конкретных лиц, сколько против всего населения, с целью сломить определенные формы его социальной организации, вытравить определенные элементы догосударственной культуры.*

Однако аналогия с Ассирией может дать материал для объяснения действий власти, но не рядовых граждан. В СССР

⁸⁵ См., например: История древнего мира// Под ред. Дьяконова И. М. и др. М., 1983. Т. 1. С. 190-191; М., 1982. Т. 2. С. 30-33 и др.

террор был направлен на людей, хотя и далеко не всегда довольных, но в принципе лояльных и не помышлявших об оппозиционной деятельности. Загадочность террора именно в том, что он был направлен на своих. Очевидно, это было возможно лишь в условиях массового шока, массового дискомфорта состояния, раздражения против злых сил, которые, несмотря на то, что их беспрерывно били и громили, якобы умудрялись лишь лучше и глубже замаскировываться и еще эффективнее вредить. Разрушение старых связей превращало отношения людей с окружающим миром в кровоточащую рану, каждое прикосновение к которой могло вызвать опасное возбуждение. Дискомфортное состояние усугублялось официальным прокламированием того, что социализм, идеальное общество уже построены, что воплощена вековая мечта человечества о конце извечного насилия истории над человеком, той истории, в которой до сих пор хозяйничала кривда. Практически эта идея воспринималась как необходимость ликвидировать некоторые недоделки. Ситуация, когда до счастья, до изобилия оставался «один поворот», когда на часах было без пяти минут вечность, увеличивала ярость против затаившихся оборотней, которые, предвидя свою окончательную гибель, усиливали вредительские козни. Разрушение привычных форм жизни в городе и деревне при одновременном росте оптимизма и веры в близкое светлое будущее, во все хорошее в мировом масштабе создавало *фантастическое нравственное напряжение, находившее разрядку в ярости против врагов народа, этих модифицированных оборотней.*

Превращение родившегося в бунте самоистребления в официальный террор означало, что всякий эмоциональный взрыв масс против каких-то врагов, неважно — каких именно, позволял государству расширить сферу и масштабы террора. Каждый, пусть небольшой, успех постоянно увеличивал террористические возможности государства, силы медиатора. Решение медиационной задачи на основе крайнего авторитаризма требовало ликвидации всякой возможности укрепления организации на основе локальных ценностей, требовало сопротивления превращению любой организации в крепость локализма. *Борьба велась не столько против определенных лиц, сколько против склонности каждого лица превратить любую организацию, от колхоза до политбюро, от воинской части до министерства, в особый локальный мир, противостоящий центру.* Это объясняется тем, что люди, пришедшие к власти и концентрировавшиеся на всех уровнях управления, вплоть до политбюро, знали лишь одну форму организации жизни — локальные сообщества, группы «своих» людей, с которыми

можно было установить эмоциональную близость. Но именно с этим наступающий авторитаризм не хотел мириться. Собственно, здесь лежала непосредственная причина террора против независимых от медиатора социальных отношений, очагов творчества, равнодушие его исполнителей к личности жертв террора, к их индивидуальной вине. Отсюда — не стремление выявить и покарать виновных, а борьба за выполнение *контрольных цифр террора*. Террор должен был постоянно разрушать очаги локализма в каждой точке общества.

Страх перед человеческим общением — смысл террора. Это подметил А. Изгоев в 1918 году: «Никогда в обществе социальные связи не были столь слабы, столь подорваны, как во времена официального царства социализма. Человек человеку волк — вот основной девиз этих страшных дней. Сотрудничество и общность были лишь во время преступления»⁸⁶. Солженицын пишет о замысле «огромной мешалкой перемешать все сто восемьдесят миллионов»⁸⁷.

Расширение террора на базе стихийного самоистребления означало, что *значительная часть населения признавала право на насилие над собой правящей элиты*. Это вытекало из древнего представления о приобщении личности к внешней, подчас капризной силе, требующей человеческих жертв. Признание такого права на насилие над собой содержалось в двойственном отношении к власти. Оно связано со страхом древнего человека отпасть от целого, страхом перед своей неспособностью найти внутренние основания для жизни, которые могли бы заменить те, что порождаются страшной, но необходимой силой внешнего авторитета: идола, государства и т. д. Типична ситуация, когда реакция на арест окружающих за анекдот, за неосторожное выражение была аналогична реакции на нарушение древнего обычая, ритуала, на оскорбление идолов. Виноват сам арестованный, который был неосторожен, поддался настроению и т. д. При этом *массовое сознание осуждало ритуальную, а не содержательную сторону поступков*, в данном случае — не содержание анекдотов, а неосторожность.

КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

Слабость срединной культуры, неспособность людей разобратся в происходящем превращали манихейство в единст-

⁸⁶ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм// Из глубины. М., 1989. С. 161.

⁸⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 2.

венную основу для комфортного толкования событий. Это делало насилие над оборотнем, погром все более важными формами отношения личности к окружающему миру. Всякая попытка реализовать это стремление фактически превращалась в самоистребление, так как оборотнем оказывался каждый. Н. Бердяев еще в 1918 году писал: «Я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления»⁸⁸. Гигантские размеры приняла охота за шпионами, борьба с троцкизмом, о котором рядовой человек часто не имел ни малейшего представления. (Характерный случай, когда один зэк объяснял, что он посажен за то, что был трактористом. В действительности его обвиняли в троцкизме, но он не знал этого слова.) *В основе террора лежит массовая вера в мировое зло*, воплощающееся в конкретных лицах, которых можно изобличить и уничтожить; массовая вера во всемогущество зла, которое может овладеть буквально всеми. Отсюда правомерность безличной борьбы с мировым злом, уничтожения практически любого, так как ошибки не будет. Например, следователь верил в «общую версию виновности. Эту общую версию надо умело применить к данному лицу и создать версию конкретную»⁸⁹. Другой работник органов высказывается еще более четко: всеобщая виновность делает правомерным то, что люди отличаются только тем, что одни попались, а другие — нет. Поэтому попавшиеся не должны жаловаться. Проблемы личной вины попросту не существует, а значит, и террор не является преступлением.

Исследование А. Гуревичем аналогичных по своей сути явлений на Западе показывает, что «многие судебные преследования ведьм начинались под давлением населения, которое требовало расправы над виновниками обрушившихся на него бедствий: падеж скота, неурожай, внезапные заморозки, смерть ребенка, болезни приписывались злокозненным действиям тех или иных лиц, и виновных надлежало устранить. Сельское и городское население легко поддается панике, вызываемой слухами об отравлениях, действии сглаза, колдовстве». «...В преследование ведьм были втянуты самые широкие круги общества...» Для крестьян XVI-XVII веков «враг был рассеян повсюду». «Известны многочисленные случаи, когда инициатива в гонениях на ведьм принадлежала жителям деревень, и прихожане обращались к властям с требованиями искоренить ведьм, не останавливаясь перед расходами...» Люди твердо знали, что «беда не может быть объяснена простой случайностью или одними естественными причинами,— здесь непре-

⁸⁸ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 6.

⁸⁹ Рыбаков А. Н. Дети Арбата// Дружба народов. 1987. № 4. С. 100.

менно должна была проявиться и чья-то злонамеренность, выразившаяся в магических, колдовских действиях, и было нетрудно заподозрить в качестве виновного то или иное лицо, репутация которого была безупречна или отношения с которым были натянуты». «Крестьяне и горожане оказывали давление на власти, требуя расправы с ведьмами, и ликовали при виде костров, на которых их сжигали», «Нужен был „козел отпущения“, некая фигура, на которую можно было возложить свои страхи и грехи (в том числе и свое собственное участие в магических ритуалах) и преследование которой вернуло бы деревенскому коллективу чувство здоровья и внутреннего благополучия». «Тот факт, что обвинения в черной магии сплошь и рядом выдвигались по инициативе сельских жителей, несомненно служит показателем трений и конфликтов внутри общины». «Факт остается фактом: во второй половине XVI и в XVII в. массы людей были охвачены страхом, побуждающим их искать виновников своих невзгод в соседях и доносить властям об их фантастических преступлениях»⁹⁰. А. Чижевский писал в 1927 году: «Обвинения против колдунов и колдуний случались тогда, когда страну постигали какие-либо бедствия и нервная возбужденность населения повышалась»⁹¹. В России, однако, подобные борцы со злом становились официальными лицами и выносили соответствующие приговоры от имени государства. Важнейшее различие заключается в том, что на Западе все подобные коллизии разыгрывались в рамках устоявшейся государственности, опирающейся на уже сложившееся христианство. В России дело обстояло наоборот. Массовое язычество сокрушило государство, тяготеющее к христианству, и новое государство мучительно пыталось институционализировать разрушительную активность традиционализма, испытывающего сильнейший дискомфорт.

Все физические явления древние славяне объясняли действием скрытых сил «богов или демонов», но к жизни эти силы вызывались «мольбами, заклинаниями и чарами вещей людей». Здесь видно чисто мифологическое представление о человеке, обретающем силу в результате его приобщения ко внешней среде. Зло в человеке, в сущности,— результат приобщения личности к внешней силе зла. Вера во всемогущество зла была исключительно велика. А. Афанасьев сообщает, что «крестьяне до сих пор убеждены, что колдуну стоит только захотеть, как тысячи народов падут жертвами смерти». Отсюда,

⁹⁰ Гуревич А. Я. Ведьма в деревне и пред судом// Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 14-15, 22, 34, 36, 38, 42, 44.

⁹¹ Чижевский А. Психические «эпидемии» и солнечные «взрывы»// Родина 1992. № 4. С. 29.

естественно, стремление разоблачить и уничтожить злые силы, с тем чтобы спасти себя и своих близких. Оборотнями могли быть даже близкие родственники. В XI веке вера в возможность оборотней вызывать голод, уничтожать урожай, делать безуспешным промысел рыбаков и охотников была так велика, что люди «сами выдавали на побиение своих матерей, жен и сестер». «Женщин, заподозренных в чародействе и похищении дождя и земного плодородия, жгли, топили и зарывали живьем в землю». Гуцулы топили ведьм еще в 1827 году. Сам акт уничтожения оборотней должен был возратить земле дождь и плодородие. Афанасьев приводит свидетельство Котошихина, который сообщает, что «мужчин за богохульство, церковную татьбу, волховство, чернокнижество и ереси сожигали живых, а женщинам за те же преступления отсекали головы». «В старину ни одно важное дело не обходилось без обвинения в чародействе»⁹².

Глубокие массовые основы террора лежали в древней враждебности локальных сообществ ко внешнему злу, в страхе перед всем, что лежит за пределами «Мы», в страхе перед оборотнями, которые постоянно прячутся среди людей. Это верно для всех народов на определенных этапах их развития. Исследования показывают, что «вера в оборотничество — характерная черта восточных славян». В оборотнях воплощаются зло, несчастье, горе, они «в русской народной поэзии, особенно в сказках... могут иметь образы как людей, так и животных»⁹³. Поиск носителей зла среди окружающих людей — постоянная задача архаичных обществ, значение и масштабы которой могут резко возрастать в периоды кризиса, слома комфортного мира. Факты расправ с оборотнями многочисленны. Например, в летописи говорится о сожжении 12 ведьм в Пскове в 1411 году. Известны факты, когда к сожжению на костре еретиков приговаривала боярская дума⁹⁴. Стольник А. И. Безобразов из старинного рода был казнен в 1690 году. Обвинение включало «злоумышление против царя через волшебство... Ворожившие в пользу Безобразова коновалы были сожжены „в срубе“». Его холопы, чувствуя предстоящее падение вотчинника, потянулись „в приказ Розыскных Дел" с „известиями" „про злой умысел" Безобразова „на здоровье" великого государя и его матери царицы „в волшебном воровстве", за что некоторые из них получили по 100 рублей»⁹⁵. В

⁹² Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избр. статьи. М., 1982. С. 415-417. Большой материал об оборотнях см. в главе «Процессы о колдунах и ведьмах».

⁹³ Карский Е. Ф. Белорусы. М., 1916. Т. 3. Кн. 1. С. 43.

⁹⁴ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 512.

⁹⁵ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. С. 29, 65.

Воинском Уставе Петра I за чародейство полагалось сожжение. Историк В. Татищев в своей истории России рассказывает, что он спас женщину от сожжения в 1714 году. В XVIII и даже XIX веке обвинения в колдовстве достаточно многочисленны. В XVIII веке известны случаи «разоблачения» и сожжения людей как упырей⁹⁶. Розыск ведьм мог завершаться закапыванием живой женщины для прекращения моровой язвы, а также сожжением живого человека для той же цели⁹⁷. В 1855 году была закопана в землю живая старуха в Новорусском уезде для прекращения холеры, а в 1864 в Харьковской губернии суд призвал в качестве эксперта знахаря, который и изобличил ведьму, обвиняемую в порче коровы. Собравшиеся крестьяне ее жестоко избили, а суд приговорил уплатить за корову. Ефименко цитирует документ, в котором говорится о том, что многих женщин сожгли⁹⁸. В периодике конца XIX века можно найти информацию об убийствах колдунов⁹⁹, о сожжении ведьмы в Сухумском округе, разоблаченной ворожеей¹⁰⁰. Все это не обходилось без активизации массовых представлений о том, что разрешается убивать еретиков как врагов божьих¹⁰¹. Но наказание изобличенных могло носить и более мягкий характер¹⁰².

Страх перед внешними опасностями мог выразиться в самых зверских формах. Многочисленные сообщения в газетах конца прошлого века говорят о самосудах над подозреваемыми в кражах и поджогах.

Подобные обвинения были необходимым элементом повседневной жизни, составной частью принимаемых решений. В каждом селении были люди, которые могли в кризисной ситуации рассматриваться как носители зла. Например, при всякой повальной болезни и падеже скота обрекали на смерть женщину, заподозренную в злом волшебстве. Один из героев Гоголя считал всех старых женщин ведьмами («Вий»). В этой ситуации могли возникнуть и самооговоры. В такой атмосфере само представление о ложном оговоре теряло смысл. Для синкретического сознания важно было не только изобличение

⁹⁶ Ефименко П. Упыри// Киевская старина. 1883. Т. 6, июнь. С. 371.

⁹⁷ Селецкий А. Колдовство в Юго-Западной Руси в XVIII ст.// Там же. 1886. Т. 15. С. 210-213.

⁹⁸ Ефименко П. Суд над ведьмами// Там же. 1883. Т. 7, ноябрь. С. 382-383.

⁹⁹ Внутренние известия// Русский курьер (Самарская губ.). 1880. № 46; см. также сообщение Белястина в «Новом времени» (1880, № 1436).

¹⁰⁰ Сожжение колдуньи// Губернские ведомости. 1889. № 39.

¹⁰¹ П-ъ И. Усинские старообрядцы// Русские ведомости. 1881. № 210.

¹⁰² Наказание по подозрению в волшебстве (Конопольский уезд)// Северный вестник. 1877. № 188; Порядок (Хоперский округ). 1881. № 26; Самосуд над колдуньей// Киевские губернские ведомости. 1882. № 67.

конкретного виновника зла. Сам акт уничтожения обвиняемого должен был то ли ослабить силу зла, то ли, как и всякая жертва, умиловать зло. Само возникновение представления о ложном доносе означало, что в обществе появились люди и институты, уже противостоящие этим мифологическим воззрениям. Есть свидетельства, что в XVIII веке суды уже вели борьбу с оговорами. В 1714 году плотничья жена Варвара, взятая к допросу, повинилась, что умышленно пыталась обвинить своих недругов в том, что они наводили порчу. В синкретическом сознании слово не отделялось ни от объекта, ни от оценки этого объекта и, следовательно, уже несло в себе определенную нравственную оценку, определенный приговор. Очевидна неадекватность архаичных представлений сложным проблемам большого общества, что в конечном итоге имеет разрушительные последствия.

«ЭТО НЕ ЛЮДИ, ЭТО КУЛАЧЬЁ»

Древние представления о добре и зле постепенно усложнялись и могли приобрести характер определенной социологической конструкции. Например, духовными христианами вся история рассматривалась как борьба двух родов — Каинова, т. е. сынов погибели, и Авелева, т. е. людей божьих. Еще Аввакум рассматривал социальный конфликт как борьбу Каина и Авеля. Люди из Каинова рода характеризуются тем, что «в оскудении плодятся у них всяких родов хитростей, лукавства, притворства, лицемерия, несправедливости, обманы, клеветы, поношения, суждения одного перед другим, грызения между собой» и т. д. Этому Каинову племени противостоит «новый человек», носитель добра. Люди такого рода — «чады божьи», которые находятся «во всем мире в разсеянии». Это, в сущности, модернизация старых идей о людях и нелюдях. Ведь люди Каина, в сущности, — нелюди. К ним применяются такие слова, как «волчьи», «песьи» и т. д.

В условиях псевдосинкретизма эти представления оказались важной предпосылкой террора, когда говорили: «Это не люди, это кулачье», когда кричали высылаемым: «Вы проклятые»¹⁰³. Налицо идущий из древности манихейский взгляд на причины социальных неурядиц, доживший до двадцатого столетия. Вот выдержка из газеты М. Каткова. После покушения на царя слесарь «с закопченными руками» говорил: «Спуску много давали. Всех бы передушить... Десяток невинных пропало бы задаром, зато, может быть, от сотни и больше злодеев царских

¹⁰³ Гроссман В. С. Все течет// Октябрь. 1989. № 6. С. 76.

избавили бы Россию»¹⁰⁴. При Сталине изменение коснулось лишь стремления передуть не сотню, а десятки миллионов.

Террор мог процветать лишь в условиях активизации массового страха. Между тем «страх есть господствующий элемент в крестьянской жизни; религия и земные власти действуют на мужика страхом, таинственные явления природы, могущие в каждую данную минуту пустить его по миру (град, ливень, гроза, засуха и пр.), заставляют его пребывать в постоянном трепете; не мудрено, что мужик, испытав на себе воспитательное значение страха, научается действовать, в случае нужды, на других преимущественно страхом же». Отсюда дикое самоуправство. «Очень немного удольских общественников было твердо уверено в виновности ссылаемых лиц; большинство же, вероятно, рассуждает так: „кто их знает, може они, а може и не они; во всяком разе, острастку им дать не мешает“»¹⁰⁵. Важнейшие параметры процедуры террора являются результатом экстраполяции на нее архаических ценностей. Например, известный принцип сталинской юстиции, что собственное признание подсудимого является главным доказательством вины, господствовал в волостных судах, созданных в 60-х годах прошлого века¹⁰⁶. Своим истоком этот принцип имел традиции древней (и в частности — средневековой) юриспруденции.

В моменты величайшего кризиса имел место мощный выброс страха в общество вплоть до вершин власти. *Страх — не результат запугивания, не чистая физиология. В обществе страх — элемент культуры, особый тип социальных отношений.* Что может быть страшнее гибели в лагерях людей, которые не совершали реальных проступков? Между тем миллионы не сопротивлялись. Эти люди относились к событиям, как к стихийным, независящим от них явлениям, как к землетрясению. Вместе с тем была громадная вера в вожда, в начальство, которые рано или поздно разберутся «по справедливости».

Нет свидетельств, подтверждающих, что все, кто был причастен к террору, работали из страха. Все говорит об обратном. В терроре как бы воплощалась высшая Правда, он воспринимался как последняя очистительная битва высшей Правды со злом. Писали доносы и расстреливали, искренне полагая, что исполняют великий долг, участвуя в исторической битве со злом. А. Солженицын приводит эпизод с чс-

¹⁰⁴ Московские ведомости. 1879. 19 апр.

¹⁰⁵ Астырев Н. М. В волостных писарях. Изд. 3-е. М., [б. г.]. С. 285-286.

¹⁰⁶ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1877. Т. 1. С. 410-412.

кистами Осетии, которые, получив разверстку по республике расстрелять 500 человек, предложили встречный план и добились разрешения на расстрел еще 250 человек «сверх плана»¹⁰⁷. Здесь явный энтузиазм. Нельзя не согласиться с Солженицыным, что «даже сам Сталин начинает казаться лишь слепой и поверхностной исторической силой»¹⁰⁸. Люди, находящиеся во власти древних представлений, не знали, что они одним движением могли бы все изменить. «Зэкам никак не может придти в голову, что общий ход событий можно было бы изменить»¹⁰⁹. Люди были равнодушны к судьбе друг друга. «Что сменили всех областных вождей — так для нас это было решительно все равно. Посадили двух-трех профессоров, так мы с ними на танцы не ходили, а экзамены еще легче будет сдавать»¹¹⁰. Разве не отрекались жены от мужей, дети от родителей? Как могли люди так легко пожертвовать естественными привязанностями в угоду этой безумной всепожирающей силе? Растерявшие старые социальные связи, утерявшие веру в них, люди готовы были видеть врага в любом, даже близком человеке. В. Гроссман показывает, что те, кто раскулачивал, были «все свои же люди знакомые»; «кто отбирал хлеб, большинство свои же...»¹¹¹.

После Великой реформы общий страх перед изменением социальной ситуации усилился, что выразилось прежде всего в активизации древней общины, стремлении защитить себя от внешнего мира, где расширялась сфера товарно-денежных отношений, требующих изменения всей системы социокультурных взаимосвязей, изменения содержания, характера труда, перехода к его более сложным формам. Активизация архаичного локализма имела одним из своих аспектов усиление страха перед внешними скрытыми и явными оборотнями, активизацию поиска врагов. Это открывало путь для демагогов, доктринеров различных мастей брать на себя функцию разоблачителей этих оборотней. Впрочем, крестьяне и сами знали своих врагов. Уже на первом съезде Крестьянского Союза в 1905 году зал поддерживал высказывания, что «кулаки еще хуже помещиков»¹¹². Большевизм выставлял в качестве главного носителя зла коварного либерала. Г. Зиновьев еще до

¹⁰⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1. М., 1990. Т. 1. С. 60.

¹⁰⁸ Там же. С. 58.

¹⁰⁹ Там же. Т. 2.

¹¹⁰ Там же. Т. 1.

¹¹¹ Гроссман В. С. Всё течет. С. 75, 78.

¹¹² Материалы к крестьянскому вопросу: Отчет о заседании делегатского съезда Всероссийского Крестьянского Союза. 6-10 ноября 1905 г. Ростов-на-Дону, 1905. С. 7.

переворота писал: «Контрреволюция милюковская — вот подлинный враг, вот главный враг»¹¹³. Во время гражданской войны врагов нового государства называли кадетами. Слово «кадет» — сокращенное наименование члена русской либеральной партии — воплотило ненависть к либеральной интеллигенции, к поборникам нежелательных перемен, к защитникам старого строя.

Слова «кадет», «кулак», «подкулачник», «вредитель», «враг народа» и т. д. конкретизировали носителей зла, сообщая видимость бесспорности факту их принадлежности к злу. Фактически достоверность была на уровне плаката, где носители зла изображались в виде определенного символа, без конкретных человеческих признаков, которые лишь мешают распознать врага. «Кулак», т. е. носитель зла, например, всегда изображался толстым (традиция, которой держался еще Аввакум). Слова «вредитель» и ему подобные определяли безграничную злобу и коварство кривды, мировой буржуазии, якобы подкупившей тех, кого называли вредителями.

Превращение древних представлений в господствующие в условиях машинного производства и государственности в обществе с большим разнообразием социальных групп и профессий не могло не привести к фантастическим последствиям, к миру, где древние оборотни вышли из лесов и рек и заполнили городскую жизнь. Как, например, можно истолковать на языке вечной борьбы Правды и кривды проблемы организации и технологии промышленного производства?

Оказывается, можно. Например, процесс «Промпартии» (1930 год) пытался показать всем злые силы, которые виновны в дезорганизации промышленности. На процессе доказывалось существование единого организованного руководящего центра вредительской работы в основном управленческом аппарате всего народного хозяйства. В обвинительном заключении говорилось о многочисленных вредительских организациях, о длительном периоде их существования, об их внутренней организованности и спайке, об их постоянном контакте с зарубежными контрреволюционными организациями, с бывшими собственниками национализированных предприятий, о связи с международным капиталом. Указывалось, что вредительские организации не могли осуществлять свои замыслы «без помощи извне». Социальной базой вредительства были «политические настроения в рядах старого инженерства, колебавшегося обычно в границах от кадетских до крайне правых монархических убеждений» (показания Л. Рамзина). Подсудимым вме-

нялась в вину вся бесконечная система неурядиц производства, которые присущи советской системе на всех этапах ее существования. Все это затрагивало основные, ведущие отрасли промышленности, а через них — и все хозяйство. Таким образом, вредительством, т. е. современной модификацией злобной кривды, объяснялись все обычные неполадки. Это объяснение важно было тем, что оно было понятно массам, объясняло, почему никак не восторжествует Правда. Оно сплачивало народ вокруг власти как гаранта против злых сил, цементировало синкретическое государство, усиливало поток получаемой властью социальной энергии. Но эта форма коммуникаций власти и народа имела роковую слабость. Она лишь усиливала дезорганизацию на производстве и в стране. Она не имела ни одного атома конструктивного смысла. Древнее видение мира, древний язык органически требовали избиения оборотней, а не творческого созидания. Этот язык был связан с древней системой конструктивной напряженности, препятствующей развитию, совершенствованию.

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ПОГРОМА

Террор возник на улицах как средство расправы с представителями старой власти, с буржуазией, с полицией и т. д. Его потенциальные возможности были заложены в страхе крестьян, замкнутых в своих локальных мирах, и в их вражде к чуждому внешнему миру. Во время бунтов избиение представителей власти, включая и своих «выбранных», было распространенным явлением. Привыкшие к изуверству и «дешевизне» человеческой жизни, крестьяне и сами были пропитаны жестоким безразличием к человеческой личности. «Что за беда, если и 10 человек будет убито», — сказал один из крестьян Ирбитского уезда (1842)¹¹⁴.

Партия нового типа пыталась стать организационной формой этой ярости народной. Она приспособливалась к своим целям, стремилась использовать эффект парусника. После захвата власти большевиками разнuzданный уличный террор продолжался и нес в себе угрозу новой власти. Эта сила должна была быть поставлена на службу новому обществу. В докладе правительству глава карательных органов Ф. Дзержинский писал: «Полагая, что накопленная веками ненависть революционного пролетариата к своим угнетателям поневоле выродилась бы в ряд стихийных кровавых эксцессов, которые

¹¹⁴ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 480.

смели бы с лица земли как наших врагов, так и наших друзей, я поставил себе задачей систематизировать производство репрессий революционной властью. В течение всего прошедшего времени ЧК была поэтому не чем иным, как разумной и целесообразной организацией революционного пролетариата» (17 февраля 1922 года). Аналогичная мысль была высказана во время Французской революции Ж. Дантоном, который под влиянием массового стихийного террора призвал организовать террор в государственном русле, заявив: пусть будем страшными мы, а не массы¹¹⁵.

Медиатор институционализировал погром, превратив его в организованную машину террора, пользующуюся всенародной поддержкой. Миллионы людей, взвинченные разрушением своего образа жизни и несбывшимися надеждами, составлявшие идеальную основу для власти, придававшие этому процессу организованную форму, направили ее на укрепление государства, механизма принудительной циркуляции ресурсов для повседневной борьбы с локализмом, с «жидким элементом русской истории», с самой возможностью уклониться в любой точке общества от крайнего авторитаризма. В террористической деятельности власти сквозит страх, навеянный опытом многих поколений, стремившихся истребить правящий класс. Делались попытки «прореживать» население, впрочем, при его полной поддержке, так как эта практика интерпретировалась как борьба с мировым злом.

Опыт Запада также подтверждает, что движущие силы массового террора шли из народной почвы, отвечавшей таким образом на дискомфортное состояние. В средневековой Европе массы могли быть в первых рядах борцов с еретиками. Церковь здесь скорее следовала за народом, чем вела его за собой (Р. Манселли. Рим). В Западной Европе в конце XV и в XVI веке укрепившийся абсолютизм «все более решительно и разносторонне вмешивается в жизнь крестьянства. Самосуды над ведьмами, которые подчас устраивались в сельской местности, пресекаются, ибо центральная власть монополизировала судебные и полицейские функции и не терпела неподконтрольной ей местной инициативы. Отныне расправа над ведьмами осуществлялась государственными судьями...»¹¹⁶. Разумеется, здесь нет полной аналогии с Россией, где старая власть пала жертвой архаичного взрыва, направленного против оборотней, проникших на высший уровень власти, вплоть до царя. Новая власть формировалась как попытка внести в мас-

¹¹⁵ Великая французская революция и современность. М., 1990. С. 32.

¹¹⁶ Гуревич А. Я. Ведьма в деревне и пред судом// Языки культуры и проблемы переводимости. С. 45.

совую борьбу с оборотнями элемент организованности, который означал бы одновременно укрепление этой власти. На Западе функцию борьбы с оборотнями взяла на себя уже существующая власть, постепенно затормаживая крайние проявления массовой тревоги, возникшей в эту эпоху в Европе. Общим является то, что *террор возник на основе массового страха, дискомфорта состояния, с которым локалистское сознание может столкнуться в большом обществе. Эта тревога была неотделима от враждебности к чужим.* «Русский рабочий, конечно, был прав, когда в каждом не своем видел скорее врага, чем друга», — говорил на одном из судебных процессов 1922 года Н. Крыленко¹¹⁷. Для России традиционно большой интерес представлял опыт Французской революции (1989), а также некоторые советские историки считают, что корни террора следует искать «преимущественно в безудержном разгуле народной мести»¹¹⁸.

Народ отвечал на страх массовыми доносами, т. е. обращением к власти, тем самым выражая ей определенное доверие, сопряженное с надеждами на ее спасительные функции. Власть, в свою очередь, поддерживала это стремление, видя в нем форму поддержки. Еще Уложение 1649 года сделало «навет в государственном деле» обязанностью каждого. Изобличенных полагалось казнить «без всякой пощады». За несправедливый навет не наказывали, а за подтвердившийся доносчик получал половину штрафа. При Петре I, как это следует из записок князя П. В. Долгорукова, донос был возведен в обязанность. Чтобы поощрять доносчиков, им обещалось имущество, конфискованное у обвиняемых. Крепостные, доносившие на своего барина, получали вольную немедленно. В тех же записках о периоде царствования Анны Иоанновны говорилось, что «доносчики были везде». В другую эпоху А. Энгельгардт писал: «Развелось такое множество охотников писать доносы, что, я думаю, целые массы чиновников требовались, чтобы только успевать перечитывать все доносы... Чуть маломальски писать умеет, сейчас донос и пишет»¹¹⁹.

Террор в значительных масштабах начался к середине 1918 года. Он был направлен в основном против наиболее зажиточ-

¹¹⁷ Крыленко Н. В. За пять лет (1918-1922). М.: Пг., 1923. С. 458.

¹¹⁸ Погосян В. А. Рецензия на «Исторический словарь Французской революции» // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 228; см. также: Dictionnaire historique de la Revolution franchise. Paris, 1989. P. 491. 1020, 1046; Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции. М., 1988 (статья А. В. Адо, В. П. Смирнова и др.).

¹¹⁹ Энгельгардт Л. Н. Из деревни. С. 433.

ной части деревни. В городах он приобрел широкий размах с сентября 1918 года. В опубликованном в сентябре 1918 года постановлении правительства о красном терроре ставилась задача «обеспечить советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях», объявлялось, что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»¹²⁰. Ленин предлагал в качестве наказания за грабеж и спекуляцию расстрел на месте. Объектом террора оказался и новый аппарат, не отвечавший, разумеется, идеалам пролетарского государства. Смертью грозила даже умышленная волокита¹²¹.

ТАЙНА САМОИСТРЕБЛЕНИЯ

Раскол, порожденный двойственным отношением к власти, создал ситуацию, в которой сама совесть как бы раскололась. Жизнь по совести — это и подчинение властям (царю, его слугам, комиссарам и т. д.) как носителям высшей Правды, это и бунт против них как против зла, которое воплощает начальство. Сила в синкретическом сознании слилась с Правдой. Поэтому сила, подавившая бунт, может стать фактором, раскрывающим, что Правда, во имя которой был поднят бунт, была в действительности кривдой. Раскаяние бунтовщиков и революционеров — характерное явление для русской жизни, начиная с декабристов. В сознании масс сила власти выступала как нечто несущее в себе нравственное содержание, некое очищение от неправды, как вестник и олицетворение Правды. Именно поэтому общеприняты были телесные наказания, которые долго не встречали нравственного осуждения, считаясь, вроде бы, неким атрибутом патриархальных отношений. Это был способ коммуникаций царя с его приближенными и даже с духовенством при Петре I, особенно при Анне Иоанновне, и вплоть до XX века, а также начальства с крестьянством.

Проблемы разрешались насилием со стороны власти, которое воспринималось как своеобразное самобичевание, самонаказание. Крепостной Селифан из «Мертвых душ» Гоголя в ответ на угрозу высесть его отвечает барину: «Как милости вашей будет угодно... коли высесть, то и высесть; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посесть, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посесть, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему

¹²⁰ Известия. 1918. 10 сент.

¹²¹ Там же.

ж не посечь?»¹²². Иначе говоря, по мнению Селифана, порядок, сохранение сложившейся формы жизни стоит порки, внешней санкции, где физическое насилие извне — условие порядка, которому нет альтернативы. Эта вера в право внешних сил на насилие прямо переносилась на власть. В «Записке, поданной духоворами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому», доказывается, что существование людей Каинового рода может привести к тому, что «немогнейших вдруг передушили бы», если бы не учредили «благословенного в злом мире средства власти царской, правительства, начал, удерживающих, вяжущих злость их». Мудрейшие учредили «различнообразные власти, удерживающие беспутства их». Существование в мире зла, следовательно, оправдывает насилие власти.

В терроре поражают не столько его масштабы, сколько всеобщая причастность и одновременно пассивное отношение к нему. Не Сталин создал людей, склонных к террору, а миллионы на соответствующем этапе своего развития выделили его из своей среды и сделали кумиром, идолом, который давал внешнюю санкцию собственным ценностям миллионов. За террор несли ответственность все. Разумеется, никто не знал всего, но каждый, без исключения, знал что-то. И тот факт, что это, пусть мизерное, знание не побуждало узнать больше, узнать все, говорит о том, что незнание не причина, но следствие. А. Солженицын приводит разговор двух милиционеров: «Четыре дня я слушал-слушал, так и не понял: за что их осудили? — А, не нашего ума дело!»¹²³.

Люди не знали потребности в системе отношений и институтов, которые обеспечивали бы защиту их прав от посягательств ими созданного государства, что имело роковые последствия. На рабочий митинг в Ярославле в 1921 году из Москвы от ЦК к рабочим приехал советоваться по существу спора о профсоюзах представитель оппозиции Ю. Ларин. Он разъяснял рабочим, что их профсоюз должен быть защитой от администрации, что у них есть завоеванные права, на которые никто не имеет права посягнуть. Рабочие отнеслись к этому совершенно равнодушно, просто не понимая, от кого еще нужно им защищаться и зачем еще нужны им права. Когда же выступил представитель генеральной линии и клял рабочих за их разболтанность и лень и требовал жертв, сверхурочной бесплатной работы, ограничений в пище, армейского подчинения заводской администрации — это вызвало восторг митинга и

¹²² Гоголь Н. В. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1984. Т. 5. С. 41.

¹²³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1.

аплодисменты¹²⁴. В сущности, один этот пример раскрывает тайну сталинизма, тайну великого самоистребления миллионов. *Террор был поддержан большинством, хотя бы на уровне принципиального согласия*. Не было активного, массового движения против машины террора. Интересно вспомнить для сравнения, что против Гитлера было совершено или готовилось примерно десяток покушений. В России террор не осуждали его жертвы. «Сами жертвы в согласии с оперативниками ведут себя как можно благороднее, чтобы не дать живущим заметить гибель обреченного...»¹²⁵. «Кажется достаточно всем намеченным кроликам повестки — и они сами в назначенный час и минуту покорно явятся с узелком к черным железным воротам госбезопасности, чтобы занять участок пола в намеченной для них камере...»¹²⁶. «Почти все держались малодушно, беспомощно, обреченно». «Крепчайшей из невидимых цепей» была «общая пониклость, совершенная отданность своему рабскому положению. Даже и посаженные на пять и на десять лет, они не представляли, как можно бы теперь одиночно (уж боже упаси коллективно)... восстать за свою свободу, видя против себя государство (свое государство)... И настроение общее такое было в ИТЛ: что вы там с винтовками торчите, устались? Хотя разойдитесь совсем, мы никуда не пойдём: мы же — не преступники, зачем же нам бежать?»¹²⁷. «Мы, советские люди, ступали на почву Архипелага духовно безоружными — давно готовыми к растлению...»¹²⁸. А Солженицын рассказывает о настроении одной из жертв: «Никакой обиды за расстрел мужа и за собственные отсиженные восемь лет она не испытывает. Все эти несправедливости учинили, по ее мнению, отдельные ягодины или ежовцы, а при товарище Берии сажают только правильно»¹²⁹.

Террор не был делом только исполнителей, сами жертвы (во всяком случае, значительная их масса) были убеждены, что все правильно. Еще в 70-х годах встречались люди, утверждавшие, что они сидели по ошибке, тем самым давая понять, что других брали за дело. Солженицын пишет: «Удивительно, что лже-вредители, понимая, что сами они никакие не вредители, высказывали, что военных и священников трясут правильно. Военные, зная про себя, что они не служили иностранным разведкам и не разрушали Красной Армии, охот-

¹²⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1.

¹²⁵ Там же. Т. 2.

¹²⁶ Там же. Т. 1. С. 18.

¹²⁷ Там же. Т. 2.

¹²⁸ Там же. С. 418.

¹²⁹ Там же. Т. 2.

но верили, что инженеры — вредители, а священники достойны уничтожения. Советский человек, сидя в тюрьме, рассуждал так: я-то лично невиновен, но с ними, с врагами, годятся всякие методы. Урок следствия и урок камеры не просветляли таких людей, они и осужденные все сохраняли ослепление воли: веру во всеобщие заговоры, отравления, вредительства, шпионаж. Жертва одобряет террор, тайну, его окружающую! Иной замороченный сын, брат или племянник осужденного еще и фыркает тебе с убежденностью: „А как же ты хотел? Значит, касается дело... Враги узнают! Нельзя...”¹³⁰.

Народом владело убеждение в необходимости совершавшегося, в его великом очистительном смысле. *Вера в нравственную правоту террора была основана на чувстве вины каждого перед высшей Правдой, порожденном сознанием собственного бессилия перед злом.* Человек чувствовал, что и сам живет не по Правде, что зло присуще ему лично. Зло он видел в собственном утилитаризме, в жажде материальных благ, более выгодной работы, жизни по собственному вкусу, в стремлении отдалиться повседневным интересам. Не обладая адекватной уровню утилитаризма нравственной системой, человек чувствовал себя виновным в помыслах. Непреходящее чувство вины побуждало к самооговорам на следствии. В сочетании с пытками и нравственным, психологическим нажимом оно давало самые фантастические результаты. Б. Пастернак так описывал состояние сознания того времени: «Совесть ни у кого не была чиста. Каждый с основанием мог чувствовать себя во всем виноватым, тайным преступником, неизобличенным обманщиком. Едва являлся повод, разгул самобичующего воображения разыгрывался до последних пределов. Люди фантазировали, наговаривали на себя не только под действием страха, но и вследствие разрушительного болезненного влечения, по доброй воле, в состоянии метафизического транса и той страсти самоосуждения, которой дай только волю, и ее не остановишь»¹³¹. Человек не только внешне подчинялся всепожирающему идолу, но осуществлял древнюю партиципацию, проникался его сущностью. Серьезные исследователи единодушно подчеркивают всенародную поддержку массового террора. Политолог А. Мигранян пишет: *«Одной из сильных сторон сталинского режима, которая всегда получала поддержку и одобрение у широких масс и которая и сейчас все еще могла получить большую поддержку у значительного числа наших граждан, была ее ориентированность на проведение систематических, жестоких репрессий против чиновников и на-*

¹³⁰ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1.

¹³¹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго// Новый мир. 1989. № 4. С. 72.

чальства, начиная с самого высокого уровня. Традиционная ненависть к чиновникам и бюрократии и вера в доброго царя вызывали бурный восторг и одобрение, когда рушились вчерашние всемогущие чиновники и начальники. Это вызвало у многих людей иллюзию торжества справедливости... То, что управа совершалась с помощью самых диких мер беззакония, никого не волновало, так как народ ничего другого 'не знал, не умел и не понимал. Все жестокости, бесправие и произвол воспринимались как зло, но неизбежное, и переносились stoически. Утешением служило то, что доставалось всем, а начальству, может быть, больше и часто»¹³².

Судьбы людей того времени неотделимы от массового манихейского ажиотажа. Как отмечает биограф А. В. Чаянова, люди, «свято верившие в правоту своего дела и не жалевшие сил для победы социализма, верили тому, что неудачи в промышленности, скудные пайки, карточная система, а порой и настоящий голод — дело рук вредителей и их зарубежных вдохновителей — остатков белогвардейцев, помещиков и капиталистов... Поэтому проходившие в стране громкие политические процессы почти ни у кого не вызывали сомнений в их необходимости и в справедливости выносимых судьями решений. Бывало и так, что честные труженики даже выражали праведное недовольство мягкостью приговоров, удивлялись мягкотелости судей...» Атмосфера ненависти «разряжалась то массовыми демонстрациями протеста в связи с очередным судебным процессом, то разрушением шедевров архитектуры — церквей и соборов. Бурлила митингами и „Тимирязевка“, где, как оказалось, свили гнездо „враги народа“ — Чаянов, Дояренко, Голубев, Кондратьев и многие, многие другие. По просьбе студентов уничтожили церковь Петра и Павла, построенную в Петровском в 1691 году»¹³³. Этот чудовищный выброс архаичной борьбы с оборотнями, антитотемом был ответом на глубокий кризис патологического общества, которое решало свои проблемы, выдвигая вверх тех, кто мог организовать это чудовищное самоистребление, и уничтожая неспособных на это. Начиная с 30-х годов, постоянными стали призывы сверху к народу выявлять двурушников, троцкистов среди начальства. Они сочетались с призывами к большей демократизации в жизни партии, что и использовалось для замены тех, кто на местах занимался «самодеятельностью». Среди большого числа книг о Сталине нет книги «Сталин и народ», которая только и

¹³² Мигранян А. М. Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления// Иного не дано. М., 1988. С. 105-106 (курсив мой.— А. А.).

¹³³ Балязин В. Н. Профессор Александр Чаянов. М., 1990. С. 209-210, 246.

может раскрыть, как беспримерное массовое поклонение вождю-тотему служило основой теории и практики сталинизма.

Психологическая атмосфера прошедших эпох является, возможно, самой загадочной страницей исторической науки, даже той истории, которую мы сами только что пережили. Всегда существует невольное стремление интерпретировать это состояние в свете последующего опыта. Сегодня трудно себе представить массовое, всеобщее одобрение борьбы с «врагами народа» и отсутствие даже в душе оппозиции этим фантастическим событиям. Тем не менее невозможно не пытаться вспомнить собственное настроение и настроение близких, соседей. Обрывки памяти ведут к трагическим дням убийства Кирова в 1934 году. Я помню себя в пятилетнем возрасте, сидящим на перекладине под большим столом у соседей по коммунальной квартире — семьи, состоявшей главным образом из работниц Трехгорной мануфактуры, выходцев из деревни. В тот день они в крайне эмоциональной форме обсудили гибель Кирова. Запомнился выкрик: «Какого хорошего человека убили!!!» Это был вполне типовой взрыв против «вредителей», которых искали в бывшем владельце краснопресненских бань, который имел две комнаты в одной из квартир нашего четырехэтажного дома. «Вредителями» были и мои родители, у которых иногда на общей кухне коптила керосинка. Они были слишком образованными, чтобы не быть «гнилой интеллигенцией» на языке того времени. Впрочем, соседи были людьми неплохими, между ними и родителями было все, вплоть до человеческой привязанности, свойственной людям, долго прожившим рядом. Само определение «вредители» не отличалось устойчивостью, подчинялось скрытым эмоциональным законам, что, впрочем, таило в себе грозную опасность непредсказуемого взрыва с катастрофическими последствиями.

Мои родители отвечали на террор, на пронизанную им жизнь молчанием, что не исключало стычек с соседями по бытовым проблемам. Это молчание было бесконечным и в некотором смысле загадочным, позволившим мне самому самоопределиться в этом мире. Впрочем, отец не мог удержаться от острот, подражая радио, когда оно рассказывало о появлении вождя народов на мавзолее. Сталин у него появлялся в окружении «своих сратников», т. е. исчезала всего одна буква. Слово «панно» при описании красот Красной площади производилось с неподражаемой смесью напыщенности и презрения. Во всем этом скрывалась зреющая в глубинах сознания сокрушительная инверсия, о которой в то время даже думать было невозможно.

Существование террора в то время не могло составлять тайны. По моим воспоминаниям, террор оценивался людьми как естественный элемент существующего порядка (как дождь, землетрясение), не имевшего альтернативы. В этой атмосфере проблема «вины» того или иного человека не возникала, так же как и проблема законности репрессий. Закон выступал как воплощение воли носителя высшей Правды-истины. Теперь очевидно, что эти представления были по своей сути возможны на основе синкретизма с невыделенной нравственностью и, тем более, правом. С годами этот парадокс порождал настороженное недоумение своими постоянными конфликтами со здравым смыслом на микроуровне. Например, я воспринимал как психологически неприемлемое постоянное возвеличивание Сталина, казавшееся мне симптомом того, что он лишь некоторое прикрытие для лиц, использующих его как символ для утверждения поклонения власти. Окружающая среда, изоляция от внешнего мира не стимулировала развитие представлений о возможных альтернативах. Мне помог отец, который хотя и крайне редко, но бросал замечания типа: «Советский человек думает, что ничего нет на свете лучше того дерьма, в котором он сидит». Он жил 12 лет в Германии и мог судить о качестве советских товаров или о поведении полиции, когда к ней обращаются за защитой от хулиганов и т. д. Об атмосфере того времени можно судить по такому, казалось бы, малозначительному факту. Мой школьный товарищ, который был старше меня и уже успел побывать на войне, на мои попытки собрать группу ровесников для обсуждения разных интересных проблем сказал, что делать этого ни в коем случае нельзя, так как такого рода собрания будут использованы в качестве прикрытия или для шантажа «иностранными разведками». Другой приятель, решивший проконсультироваться по этому поводу с соседом-милиционером, получил исчерпывающий ответ: «Недозволенные сборища запрещены». Хотя в народе постоянно шли какие-то неясные процессы, тем не менее элемент единства народа и власти, несмотря на террор, был преобладающим.

ТОТАЛИТАРИЗМ

Тоталитаризм является крайней формой авторитаризма, которая может возникнуть в условиях модернизации. Предпосылки тоталитаризма следует искать в стремлении высшей власти к некоторой абсолютной монополии на условия и средства производства. В этом смысле новая власть выступала как наследница старой, доводя ее действия до крайних форм. Не

следует забывать, что правительство до 1914 года «поддерживало монополии и видело в них естественный результат экономического развития и средство укрепления промышленности и повышения экономической мощи страны»¹³⁴. Тоталитаризм — доведение этой тенденции до предела, превращение государства в единственного монополиста, в единственного собственника, т. е. по сути уничтожение самого понятия собственности. Тоталитаризм одновременно выступает как крайняя попытка восстановить синкретическую государственность, доведенная до разрушения общины, до стремления поставить под контроль хозяйственную деятельность каждой личности, до отрицания собственности вне государства, запрета частной инициативы, до разрушения семьи. Тоталитаризм — форма антимедиаии, попытка использовать для этого государственный аппарат. Тоталитаризм отличается от авторитаризма способностью к подавлению, разрушению первичной ячейки общества, первичного сообщества, общины, крестьянского двора.

Тоталитаризм оказался высшей точкой инверсии, идущей от соборного идеала второго глобального периода. Новое общество достигло вершины развития. Организация, основанная на атомизации, на уничтожении всех независимых от медиатора элементов общества, была доведена до высшего совершенства. Люди не могли даже шептаться друг с другом, не боясь незримого присутствия государства. Повседневность растворялась в сакральном. Казалось, что большинство верило, будто возникло общество, воплотившее, наконец, вековую мечту о вечной Правде. Было построено общество, не знающее враждебных классов (раскола), общество свободы (свободы от заблуждений, искажений Правды, от поисков другой правды), равенства (всеобщей уравнительности, гарантированной отеческой властью), братства, тождества верхов с низами (начальства с последним тружеником), общество соборности и счастья (возможности жить без зла, противостоять ему всем миром). Впервые и навсегда уничтожена была возможность эксплуатации человека человеком (исчезли трудовые отношения, независимые от воли главы общины-государства), была ликвидирована эксплуатация на производстве (поскольку собственность ограничивалась установленным властью пределом), ликвидирована была экономическая и всякая другая независимость личности от государства. Что же касается жертв, то «лес рубят — щепки летят». Любые жертвы оправданы: ведь если бы к власти пришли «кадеты» или «враги народа», уж они наверняка истреби-

¹³⁴ Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности// История СССР. 1963. № 3. С. 56.

ли бы все живое или продали Россию международному капиталу (т. е. отечественному мироеду, выросшему до всемирных масштабов и надевшему американский цилиндр). Общество достигло идеального состояния, «история прекратила течение свое» (М. Салтыков-Щедрин). Новая система укрепилась окончательно и навсегда, так как, казалось, индустриализация создала базу для военного отпора любым силам зла, которые попытались бы «пожиться за наш счет», внутренние же враги беспрерывно и в массовом масштабе с возрастающим успехом подавлялись и уничтожались. Общество оцепенело. Всё, включая развитие и прогресс, должно было осуществляться как результат высших предначертаний. Каждый должен был действовать в процессе партиципации к высшей Правде, воплощенной в вожде-тотеме, постоянно подгоняемый страхом отпадения, физической гибели.

ЛИЧНОСТЬ — СЛАБОЕ ЗВЕНО СИСТЕМЫ

Все было бы прекрасно — но слабость системы заключалась в том, что она постепенно все чаще сталкивалась с рядовой личностью, которая, казалось бы, и не помышляла о борьбе со сложившимся порядком. Советский человек как будто безропотно на все соглашался. Однако беда заключалась в том, что медиатор, следуя своей цели, начал предъявлять такие требования, с которыми личность при всем желании не могла справиться. Силы, ориентированные на сохранение некоторого статичного порядка, и силы, нацеленные на развитие и прогресс, постоянно разрушали друг друга. Миллионы людей постепенно все настойчивее пытались решать свои повседневные проблемы вне рамок сложившегося порядка. В борьбе с этой тенденцией власть институционализировала массовый страх и ненависть. Творчество во всех его формах неуклонно подавлялось, так как оно нарушало уравнительность, вносило дестабилизирующий элемент в общество. С неслыханной жестокостью ликвидировались сами предпосылки творчества, возможности любой инициативы, разрушались очаги прогресса. Были истреблены и рассеяны люди, склонные к хозяйственной инициативе, к созданию организаций, предприятий, обеспечивающих более высокую производительность, что подрывало и саму государственность. Это никак не компенсировалось «мудростью» верхов. Они принимали сложившуюся систему «за чистую монету», минимизируя критику исторического опыта, который в свое время привел к формированию этой системы. При всем своем возрастающем цинизме они верили в свою демагогию, в свою идеологию, что свидетельствовало об их совершеннейшем не-

понимании реальности. Тон здесь задавал сам корифей всех времен и народов, решая проблемы по манихейской схеме. Он считал, что уничтожение злых сил (например, «кулачества») автоматически или почти автоматически решит все проблемы (например, обеспечит экономический подъем). Он полагал, что в результате коллективизации, раскулачивания «наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»¹³⁵. Это сказал человек, который возглавил борьбу носителей наиболее архаичных форм труда против носителей более развитых форм. Проблема эффективности производства синкретически слита у него с проблемой избиения оборотней.

Личность оказалась слабым местом тоталитарного порядка, в частности, в связи с нерешенностью *проблемы вины* и даже с отказом ее решать. Понятие вины — результат трудного пути социально-культурного развития. Для современного правового сознания определение вины — всегда проблема, предполагающая подчас сложную процедуру; вина человека не есть некий врожденный признак, вроде родинки, но предполагает выявление ее в процессе диалога, дискуссии, спора сторон о фактах и о праве. Философия террора не требовала выявления личной индивидуальной вины репрессируемого. А. Солженицын цитирует высказывание одного из руководителей ЧК М. Я. Лациса, относящееся к ноябрю 1918 года: «Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора»¹³⁶. Можно приводить бесчисленные факты, когда получали сроки заведомо невиновные. В большом терроре на разных этапах можно было обнаружить различные тенденции в выборе жертв, но в целом он был безличен, т. е. *в принципе было все равно, кого посадить. Важно было лишь, чтобы машина террора не простаивала, распространяя страх перед нарушением «порядка», людей друг перед другом.*

Например, имели место случаи, когда чекисты были неспособны выполнить план арестов в своей области, так как все «резервы» были исчерпаны. В этих случаях могли быть арестованы люди в поездах дальнего следования, которые проходили через данную область. Имели место случаи, когда арестованным самим предлагалось выбрать, шпионом какой страны они

¹³⁵ Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 132.

¹³⁶ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1. Т. 1. С. 31.

хотели бы фигурировать в деле и т. д. Скорее достойно удивления именно то, что существовало подобие процедуры определения вины, что миллионам «клеили дело», что содержался гигантский аппарат, разыгрывавший перед каждым обвиняемым спектакль процедуры установления несуществующей вины с атрибутами судебного порядка. В чем смысл такой гигантской, дорогостоящей мистификации? Двусмысленность террора отражала сущность псевдосинкретизма как выражения архаичного сознания, представленного в наукообразных, юридических и других формах. Массовое, основанное на древних идеалах самоистребление, чтобы стать источником энергии медиатора, должно было превратиться из самосуда толпы в процесс, регулируемый, контролируемый государством, по крайней мере по форме.

Сам террор носил двойственный характер. Для одних это была борьба с оборотнями, а для других — источник жизненной энергии медиатора, средство борьбы с локальными идеалами, с независимыми центрами энергии. Для синкретизма избиение оборотней имело смысл как средство уменьшить сферу зла. С этих позиций имела значение не личная вина жертвы, но всеобщая причастность ко злу. Достаточно вспомнить, например, идею молодого П. Н. Ткачева об истреблении всех мужчин старше двадцати лет, так как все они заражены злом. Однако на почве утилитаризма в массовом сознании зрело иное представление об индивидуальной вине.

Здесь тоталитаризм столкнулся с неразрешимым противоречием. Сидя в лагере, может быть, и возможно было предполагать, что вокруг тебя сидят шпионы, изменники и диверсанты, но никак нельзя согласиться, что ты сам японский шпион. Атомизация общества могла не только стимулировать деградацию человека, но и усилить рост самосознания личности, включая и представление о личной вине. Заведомо ложное обвинение было пятном на светлом лице Правды. Каждый, против кого выдвигалось ложное обвинение, неизбежно видел это пятно. Постепенно количество людей, которые знали об этих пятнах, росло. Возникали и другие пятна, например, связанные с лозунгом «жить стало лучше, жить стало веселей», с тем, что повсеместно существует деловой и политический энтузиазм, и т. д. В сознании людей совершалась эрозия идеологии. Было невозможно сделать идеологию реальным содержанием повседневных действий личности. Все эти пятна постепенно становились предметом общения, обсуждения, диалога. В общении, которого так страшился тоталитаризм, они сливались, ослабляя влияние власти. Личность гибко приспосабливалась к условиям и продолжала искать организационные

формы жизни, которые воплотили бы ее ценности. Если личность не умеет, не может этого делать в общегосударственном масштабе, то, пока она жива, она будет это делать в масштабе, который кажется привычным, естественным. После каждого бедствия, гибели близких, разрушения привычных форм жизни люди вновь и вновь соединяются между собой, чтобы жить, не понимая подчас, что, собственно, от них хочет власть. Сложившаяся тысячелетиями локальная культура не могла в своей повседневной жизни идти за крайним авторитаризмом, где локальное было тождественно всему большому обществу.

Человек только потому и человек, что он входит в систему общения, в систему сообществ, в малые группы, в семью и т. д. Человек немислим, невозможен без этих связей. Эти связи формировались в борьбе за кусок хлеба, за возможность унести с поля небуранный картофель, за возможность обмена взаимными услугами (советский «блат»); нужно было как-то жить за фасадом официальной видимости. Отсюда столь распространенные «липа», «туфта», очковтирательство, приписки и т. д. Во имя Правды можно было отказаться от близких, сослуживцев, вождей, но совершенно невозможно не контактировать с новыми близкими, новыми сослуживцами, нельзя было не приветствовать новых руководителей. Этот предел нельзя было переступить, не обрекая личность на физическую гибель. Личность не могла не вступить в какие-то явные организационные связи. Она устанавливала личные микроотношения, личные связи, предусматривающие взаимные услуги утилитарного характера в любой сфере жизни. Террор подрывал влияние этих связей, но не мог ни уничтожить их, ни пресечь возможность их постоянного возникновения. Эти тайные, но дающие жизнь связи имели свой язык, свой фольклор, свою специфическую субкультуру. Их ярким выражением стал *тайный шепот анекдота*, за рассказывание и выслушивание которого можно было «схватить десятку», но который никогда не исчезал, демонстрируя силу неофициальной жизни. Бесчисленные атомы, обьятые страхом, осмеливались лишь шептаться. Этот шепот, однако, был чем-то большим, чем слова. Это была опасная для крайнего авторитаризма форма общения, форма связи людей, возникающая не только независимо от власти, но и в связи с формированием негативного к ней отношения. *То обстоятельство, что в самые страшные времена террора этот шепот не умирал, говорило о том, что народное творчество непрерывно работало над альтернативой крайнему авторитаризму.* Где-то в глубинах жизни шли как духовные, так и организационные процессы, выбивающиеся

из-под власти крайнего авторитаризма. В самом движении авторитаризма скрывались саморазрушительные процессы. Официально анекдот рассматривался как антисоветская агитация, за которой следовал приговор. Это свидетельствовало о том, что крайний авторитаризм чувствовал таящуюся здесь смертельную опасность. Люди, не боящиеся вступить друг с другом в контакт в связи со своим негативным отношением к сложившимся порядкам, были для правящей элиты страшнее заговора или восстания. Здесь начиналось то, что сокрушило несокрушаемое. Пусть не покажется в этой связи дикой мысль водрузить когда-нибудь в Москве на площади против здания некогда всесильной тайной полиции памятник советскому анекдоту. Сила анекдотов, как и всякого духовного общения, заключалась в том, что они не только стимулировали развитие более сложных форм независимой духовной жизни, но и создавали основу для независимого общения.

НЕФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КРАЙНЕГО АВТОРИТАРИЗМА

Крайний авторитаризм мог существовать, лишь постоянно нанося удары по сложившимся сообществам, чтобы они не могли быть самостоятельными, но и не закостеневали, не препятствовали абсолютной монополии высшей власти на ресурсы и собственность. Это было легко делать, так как массовое догосударственное сознание сочувствовало избиению начальства. Аналогичные процессы можно было наблюдать во времена культурной революции в Китае. Решение медиационной задачи пришло к неразрешимому противоречию. Прекращение террора означало бы отказ от крайнего авторитаризма, так как тогда ничто не препятствовало бы установлению связей в обществе, не зависящих от медиатора. Продолжение террора сохраняло бы постоянно угрозы всем организациям, сообществам, что уменьшало их эффективность и, следовательно, несло в себе угрозу обществу. Способность бесчисленных сообществ определенным образом защищать себя, противостоять натиску власти — очевидное свидетельство ослабления господства крайнего авторитаризма. Знаменитое «дело врачей», по которому «убийцы в белых халатах» обвинялись в убийствах членов высшего руководства, очевидно, было подготовкой к новой массовой волне террора. Он должен был быть направлен против рождавшихся на всех уровнях, вплоть до самых высших, бастионов локализма, которые своим существованием тормозили производ, безграничное использование в управле-

нии принципа шаха, перерастающего в мат, ограничивали государственное крепостничество.

Тоталитарная сталинская система могла развиваться в основном лишь экстенсивными методами, усиленной эксплуатацией сложившихся возможностей людей, природных ресурсов. Экономический рост достигался через постоянное разрушительное перекачивание ресурсов из одной отрасли в другие, за счет массового рабского труда миллионов заключенных, всеобщего крепостничества. Однако каждый шаг такого роста подрывал основы будущего, подготовлял катастрофический крах, так как формировал тупиковую форму социальной организации, усиливал социокультурное противоречие. Сложившаяся система псевдоэкономики страдала отсутствием механизмов, способных отличить эффективное решение от неэффективного, что открывало путь дезориентации в сфере выбора путей социального развития. Общество, лишившееся духовной элиты, пытающееся методами, пригодными в локальной общине, решать сложнейшие проблемы развития большого общества, представляло собой помпезное, но жалкое зрелище. Воистину колосс на глиняных ногах!

Вопреки общераспространенному убеждению, крайний авторитаризм даже во времена расцвета не мог обеспечить элементарного порядка. Нарком вооружений, а затем боеприпасов писал о положении в промышленности в предвоенные годы, что текучесть рабочей силы и массовые прогулы принимали «угрожающий характер»¹³⁷.

Подмена экономического развития чисто хозяйственным, ориентированным на получение определенного набора натуральных благ, выбор которых определялся подчас чисто идеологическими соображениями, требовала, наподобие древних ритуальных сооружений, гигантских усилий. Поэтому оценка развития по натуральным показателям имеет ограниченную ценность. Однако и она показывает весьма низкий уровень эффективности решений. Например, первый пятилетний план (1928-1932) по основным показателям — выплавке стали, чугуна, по прокату, по добыче угля, по производству электроэнергии был выполнен лишь в 1934 году, т. е. во второй год следующей пятилетки. Тем не менее объем промышленного производства в стране утроился, но сельское хозяйство сократило производство в полтора раза, что резко усилило несбалансированность отраслей, уменьшило возможность экономической смычки. В свою очередь, показатели второго пятилетнего плана (1933-1937), утвержденного в 1932 году, в 1934

¹³⁷ Ванников Б. Л. Записки наркома// Знамя. 1988. № 2. С. 148.

году, на втором году пятилетки, были снижены (план выплавки чугуна до 73%, по добыче угля — до 76%, производства электроэнергии — до 38% первоначального). Однако и в отредактированном виде план фактически не был выполнен; по официальным данным, лишь в 1938 году были достигнуты плановые показатели производства электроэнергии, в 1940 году выполнены показатели по добыче угля, в 1949 году — по выплавке чугуна. В первоначальном же его варианте плановых показателей страна сумела достичь лишь в послевоенные (1951-1952) годы. Что же касается третьей пятилетки (1938-1942), прерванной в 1941 году начавшейся войной, то итоги первых лет ее свидетельствуют о форменной катастрофе. План, утвержденный XVIII партсъездом в 1939 году, т. е. на втором году пятилетки, за три довоенных года был выполнен по выплавке чугуна на 52%, стали — на 5,9%, по прокату черных металлов — на 1,25%, по добыче угля — на 33%, нефти — на 12,3%, по производству электроэнергии — на 31,1%. В оставшиеся три года стране предстояло выполнить от 67 до 98,75% плана. Натурализация хозяйства при всем соответствии такой политики массовым идеалам ни к чему хорошему, естественно, привести не могла: ухудшилось экономическое положение, резко снизилось народное потребление, росли бюрократизм, дезорганизация, злоупотребления. Очевидной была явная катастрофическая неэффективность крайнего авторитаризма. Например, по некоторым подсчетам, доля национального дохода снизилась с 18% до 3-4 %¹³⁸. В 1946—1947 годах в результате засухи возник голод во многих областях, унесший тысячи жизней. Обескровленная войной страна не могла эффективно противостоять этому бедствию. Усилилось бегство из деревни¹³⁹. Индекс розничных государственных цен поднялся в 1947 году по сравнению с 1928 годом до 20,1.

Между тем Сталин до конца своих дней стойко защищал необходимость вытеснения из жизни общества товарно-денежных отношений, сохранения архаичных, доэкономических отношений¹⁴⁰. Чем больше росло производство, тем больше усиливалось странное, не предусмотренное наукой явление, получившее название дефицит. Он в возрастающих масштабах не только раскрывал бессилие авторитарного планирования, но и намекал на то, что новое царство Правды совсем не то, за что оно себя выдает, на существование некоторой тайны. Смысл ее общество было неспособно разгадать, но тем не менее было очевидно, что могущество тотема не беспредельно. Слабость

¹³⁸ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра// Новый мир. 1987. № 2. С. 81.

¹³⁹ Волков Н. М. Засуха, голод 1946-1947 годов// История СССР. 1991. № 4.

¹⁴⁰ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

его усиливалась тем, что между вождем и народом вырастала плотная стена сообществ, которая перехватывала творческий поток, некогда вынесший безвестного грузина на вершину власти. Четвертая версия псевдосинкретизма оказалась в конечном итоге нефункциональной, как, впрочем, и все предшествующие. Подспудно росло осознание необходимости перемен.

Хозяйственный кризис начала 1932 года вынудил Политбюро весной принять решение о проведении крупной хозяйственной реформы. На XVII партконференции говорили о важности советского рынка. В мае были снижены заготовки и было разрешено торговать артелям и кустарям по рыночным ценам. Была сделана попытка уменьшить тяжесть инфляции, увеличив объем реализации продуктов питания и товаров народного потребления по твердым ценам, ограничив заработную плату. Однако реформа не дала позитивных результатов¹⁴¹. Политбюро повернуло к контрреформе, введя уголовную ответственность за сбор колосков, были введены паспорта, т. е. усиливалось общее закрепощение.

Колесания хозяйственного курса, хромающие решения еще требуют изучения. На XVIII конференции ВКП(б) в феврале 1941 года при обсуждении путей улучшения работы промышленности и транспорта делегаты полностью игнорировали тему вредительства, ставились вопросы о повышении самостоятельности предприятий, о прекращении наплевательского отношения к финансово-экономическим вопросам их работы. Это свидетельствовало о попытках поиска экономических решений, но их оборвала война.

«ВАШЕ СЛОВО, ТОВАРИЩ МАУЗЕР»

Четвертый в истории страны медиатор оказался более устойчивым, чем предшествующие. Он выступил при переходе от одного господствующего идеала к другому, тогда как первые два перехода в первом модифицированном цикле привели к разрушению государственности. Однако жертвы, которыми общество заплатило за это, были чудовищно велики. В Смутное время на рубеже XVI-XVII веков, т. е. во время событий, связанных с крахом второй государственности, погибла, по-видимому, треть населения. Если попытаться оценить преимущества нового строя с точки зрения ценности человеческой жизни, то здесь явно трудно говорить о достижениях. Новое общество

¹⁴¹ Девис Р. У. Советская экономика в период кризиса 1930-1933 года// История СССР. 1991. № 4. С. 204-206.

обеспечило определенный порядок, но в нем не нашлось легального места для человека. Это был порядок, который требовал человеческих жертвоприношений, так как человек самим фактом своей повседневной жизни разрушал большое общество, государственность. Чем дальше человеческое сознание проникало в суть происшедшего, тем глубже раскрывалась метафизическая бездна, из которой веяло ужасом.

Печать чего-то невысказанного, невозможного превращала общество в подобие листа, оторвавшегося от дерева и постоянно гонимого ветром в неизвестность.

Со смертью Сталина закончился самый парадоксальный этап в истории страны, а возможно, и в истории человечества. Он мог возникнуть лишь в исключительных обстоятельствах. Массовое самоизбиение людей было лишь внешним симптомом глубокого внутреннего саморазрушения, которое назревало и шло уже давно и теперь дошло до критической точки.

Сталинизм можно понять как *террористический ответ общества на потоки новизны, обрушившиеся на него в XX веке*, как крайнее, дошедшее до абсурда стремление власти взять на себя то, на что само общество оказалось неспособным,— обеспечить всеобщий рост и развитие. Точка зрения российских реформаторов, заключавшаяся в том, что предлагаемые ими реформы были хороши, но не могли быть реализованы из-за невежества крестьян и злоупотреблений чиновников¹⁴², возможно, сама по себе безобидна, но от нее идет путь и к массовому террору для искоренения «невежества» и «злоупотреблений». Другой аспект сталинизма заключается в том, что если раньше делались попытки уничтожить раскол, истребляя правящий слой, духовную элиту, т. е., условно говоря, верхнюю часть расколотого общества, то теперь была совершена попытка истребить другую, противоположную часть. Эти утопические попытки были возможны лишь при условии неспособности общества искать меру в новой, более сложной ситуации, охлаждать срединной культурой свои массовые импульсы, останавливать их еще до того, как они достигнут стадии саморазрушения, сея вокруг смерть и дезорганизацию.

В терроре была своя логика. Его удары приходились на все группы общества без исключения, и здесь было полное «равенство». Но в каждой группе они наносились прежде всего по тем людям, которые были выше среднего уровня, обладали особым знанием и умением. Это чрезвычайно важное, до сих пор недооцененное обстоятельство. Оно касалось и правящей элиты, где террор неуклонно и однозначно оставлял наименее

¹⁴² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 129.

компетентных. Селекцию террора наверху, как правило, могли пройти лишь по-своему «выдающиеся люди», способные, не задумываясь, вести страну в пропасть. Но это происходило и в каждой деревне, где избивались люди, склонные к торговле, к более сложным и производительным формам труда, в частности, те, которые искали пути перехода от доэкономических форм хозяйства к экономическим. Это происходило в городах, на каждом предприятии, так было и в науке, где Н. И. Вавилов был послан на смерть, а «народный академик» Т. Д. Лысенко, чей кругозор не шел дальше своего огорода, определял судьбу науки. Одновременно выявилась и другая, менее важная — «модернизаторская» функция террора. Он стимулировал те слои, культурный уровень которых был ниже потребностей общества осваивать определенный уровень инноваций, соответствовал некоторому уровню «серого творчества».

Все это было массовой реакцией на раскол в критической ситуации. Этот этап воплощал вариант выхода из раскола в простой однозначной формуле, опирающейся на признание очевидности добра и на непримиримость ко злу. Ее дал Маяковский, сказав: «Ваше слово, товарищ маузер», — т. е. проблемы автоматически решались уничтожением врага. Однако это было ложное решение, так как в действительности пули летели в стрелявшего.

Сталинский этап — аналог крайнего авторитаризма в прошлом глобальном периоде, переходящего в тоталитаризм с его разрушением первичных сообществ, как заметил еще П. Н. Милуков, с его принесением народа в жертву великодержавности¹⁴³, с тем, что позитивные ценности одной из расколотых частей общества приводили в действие негативные ценности другой. Создался, усилился дезорганизирующий механизм заколдованного круга, что доводило раскол до крайнего напряжения, создавало ситуацию инверсионного поворота всего глобального периода.

¹⁴³ См.: *Медушевский А. Н.* П. Н. Милуков: ученый и политик // История СССР. 1991. № 4. С. 39.